

Виктор Мишин

ВЫЖИТЬ ВОПРОЕК

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Виктор Михайлович Мишин
Выжить вопреки
Серия «Военная фантастика (АСТ)»
Серия «Моя война», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48418594
Выжить вопреки: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-118822-1

Аннотация

Андрей Морозов, волею судьбы оказавшийся в тысяча девятьсот сорок первом году, конечно, попадает на войну. Не считая свои знания обширными, он не обращается к властям, а просто следует велению судьбы и воюет вместе с другими бойцами Красной Армии. Начало войны – время тяжелое для всех. Андрей отступает к Москве, попадая из одного подразделения в другое. По пути он постоянно находится на волосок от гибели, но упрямо выживает. Приказ ни шагу назад, голод, жара, холод, грязь – сможет ли наш современник выстоять?

Виктор Мишин

Выжить вопреки

© Виктор Мишин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Звук топающих сапог вражеских солдат казался грохотом. В голове словно набат звучал: бумм-бумм, бумм-бумм. Я лежал возле развороченной взрывами ячейки, недалеко от дороги, по которой проходила колонна немецких войск, боясь пошевелиться. Дело в том, что я на войне, на Великой Отечественной. Подразделение, в котором я служил, только что раздолбали, как и многих до нас, вот и лежу, пытаюсь удержаться от того, чтобы не заорать. Страшно, очень страшно. Господи, сколько молодых и не очень людей полегло и еще больше поляжет в этой войне...

Зовут меня Андреем Морозовым. Мне двадцать один год. На дворе тысяча девятьсот сорок первый год, июнь месяц. Нахожусь я километрах в двухстах, может чуть больше, от западной границы СССР, куда меня привезли на днях из Минска. В столицу Белоруссии я приехал в вагоне-теплушке из Ярославля, где меня призвали в первых рядах, как уже от-

служившего срочную службу, в действующую армию, то есть на фронт. Надо же так неудачно попасть! О чем именно говорю? Так я ведь не коренной житель этого времени, я – долбаный попаданец. Так-то. Случилось все как-то внезапно, на работе упал с высоты, так, метров десять, не больше, да вотхватило, видно. Там мне было тридцать пять, здесь двадцать один, вторая жизнь, блин блинский. Работал в строительной компании, вот и доработался. Тело, в которое я попал, было не только молодое, но еще и крепкое. Роста в «теле» было около метра восьмидесяти, в плечах не очень широк, но и не задохлик. ТАМ у меня было всякое за мои долгие тридцать пять, через многое прошел, многое попробовал. Теперь, видимо, придется вспоминать, обязательно нужно вспомнить, все свои умения и навыки, чтобы просто прожить хотя бы на день дольше, чем другие бойцы.

Сюда попал две недели назад, толком даже осмотреться не успел, как война началась. Повестку принесли быстро, оперативность тут была на высоте, да и родные пособили в этом. Уже двадцать пятого июня я выехал в Минск. Родители «тела» мгновенно собрали меня в долгий путь. Хотя и плакали, но мне казалось, что они даже рады тому, что я ухожу. За все короткое время, что был в этом мире с новыми родителями, усвоил одно, водка – беда! Мой новый батя пил так, что я аж икал вначале от удивления. Маманя регулярно получала от него люлей, до моего появления, конечно. Когда уже при мне такое случилось, папаша быстро как-то протрезвел.

– Слышь, батя, еще раз руку поднимешь на мать, я тебе эту самую ручонку сломаю! – сказал я тогда в сердцах, что поделать, естественная реакция, но папаша охренел от моего наезда. Мужик он был довольно крепкий, поэтому озверел мгновенно. Сбив меня с ног ударом кулака в ухо, он даже намылился попинать сапогами по ребрам, но я, наконец, «проснулся». Да, тут привыкли уважать мнение главы семьи, пусть даже он прожженный алкаш. Мать получала по лицу просто так, для порядка, а этот боров наслаждался, видимо. Может, даже и хорошо, что все так случилось. Именно это происшествие помогло быстрее все осознать и смириться с судьбой. Поймав тогда ногу папаша, летевшую мне в бок, я с силой ее крутанул вокруг своей оси, заставив родственничка грохнуться на пол. Тот взвыл, как кабан, и попытался было встать, но я уже был возле него. Схватив за правую клешню, я быстро присел и, воспользовавшись своим коленом как подставкой, сломал отцу руку в локте. А затем чуть не получил уже от мамыши поленом по голове. Вот почему и говорю, что предки были рады моему отъезду на фронт. Представляете, мама тогда еще два дня на меня огрызалась за то, что сломал клешню этому, блин, любителю бить женщин. Кормильца лишил возможности работать. Начавшаяся война помирила нас, но вот ощущение постоянной лжи, идущей от родителей, не отпускало. Так уж случилось, что я и в той, прежней жизни рано остался без родных, так что и здесь не особо переживал. Но о прошлом не буду, это табу,

мне очень тяжело его вспоминать, тем более у меня теперь новая, может и короткая, но все же интересная жизнь.

«Господи, да сколько же их?» – в голове уже просто вопил какой-то суслик, заставляющий меня встать и бежать прочь отсюда. Но я не мог пошевелиться. Во-первых, на мне еще пара таких, как я, лежит, точнее, им похуже будет, они мертвые. А во-вторых, куда бежать-то? Кругом фрицы, мать их за ногу. Вон, два часа уже мимо колонной идут и все никак не пройдут. Вот и вкусил я, наконец, все прелести первых дней войны. Прямо с эшелона начался мой военный путь. Везли нас в Гродно, но не довезли. Поезд раздолбали с воздуха, и пришлось сначала убегать в сторону, а затем по приказу политрука нашего батальона возвращаться к составу и вытаскивать из лежавших вагонов все и всех, кого и что можно было достать. Вагон, в котором ехало оружие для целого полка, получил самую первую бомбу и разлетелся по окрестностям. До места назначения топали с одной винтовкой на троих, уж сколько было, я тут ни при чем. Да и все равно не дошли. Возле одного из небольших мосточков, переброшенных через различные речушки, нас тормознули какие-то ухари. Возле обочины стояла черная «эмка», из нее вылез аж цельный полковник и приказал батальону занимать позиции возле моста. Приказ был... О, приказище, а не приказ. Нас было двести четыре человека в батальоне, а приказали нам, ни много ни мало, остановить врага и не дать ему переправиться. Нормально так, чего, вполне себе выполнимо, мы во-

обще его разгромить могли бы, нас же целых две сотни непобедимых красноармейцев! Оружия нет? О, лучше бы наш командир, капитан Башмаков, даже и не заикался об этом. Его обвинили в трусости, в разгильдяйстве и халатности. Хотели даже увезти с собой, да начштаба батальона вступился, полковник и отстал. «Эмка» тут же уехала, а мы получили приказ окапываться. Полностью прочувствовал на себе, что такое знаменитые стрелковые ячейки. С одной стороны, вроде бы хорошо, копать не слишком много, а вот с другой... Еще до первого боя мне было страшно. Страшно сидеть одному, без оружия, без продовольствия, сидеть в этой ямке и... Бояться. Было ужасно страшно. Казалось, все уже давно плюнули на все и разбежались. Прислушаешься, нет, кто-то вроде скребется рядом, вроде успокаиваешься, но через пять минут снова слушаешь. И постоянное чувство голода...

В первый раз немцы появились после обеда. Часов у меня не было, так что, во сколько точно это произошло, не знаю. Я сидел в своей норе и внезапно услышал выстрел. После третьего любопытство все же пересилило страх, и я решил вылезти и посмотреть, что происходит. Увидел только улетающий от нас мотоцикл с коляской, врагов даже не разглядел. Что-то темное осталось лежать на земле, но что это такое, я не знал. Байк, видимо, не доехал до моста, когда его обстреляли наши бойцы, развернулся и дал деру. Значит, сейчас он сообщит о том, что его тут обидели, и все, придут его друзья, заступаться. Я уже начал потихоньку привыкать

к происходившему вокруг, к требованиям командиров, безалаберности бойцов, к медленному течению времени. Куда ни глянь, все настолько непривычно, что иногда выводит из себя. С одним бойцом, помню, еще на вокзале поспорили. Я подошел время спросить, а он лишь кивнул и отвернулся. Но часы-то на его руке я видел, поэтому и подошел вообще. Напомнив о себе, бы удивлен ответом:

– Чего пристал, сейчас посмотрю! После этого мне уже стало плевать на время, я просто ушел.

До вечера немцы так и не появились. Доел последний сухарь, да, выдали днем по горсти черных сухарей, мне было жутко интересно, почему командиры не посылали никого на ту сторону моста. Зачем? Так фриц-то на мотике явно был не в одиночестве, а уезжал один водитель, понятно? Блин, да трофеи собрать, вот зачем! Я еще совсем не понимал, что такое война, но вот почему-то мысль о трофеях не давала покоя. Наверное, это потому, что у самого не было ни фига, ни еды, ни воды, ни оружия. Если найду из чего стрелять, может, и страх куда-нибудь пропадет.

Я никому не озвучивал своих мыслей, да и некому было меня слушать, все так же сидят в своих ячейках и не отсвечивают. Дождавшись, когда полностью стемнеет, я осторожно вылез из ямки и посмотрел вокруг. Чуть в отдалении, возле роши, что находилась метрах в двухстах, была установлена палатка. Наверняка отцы командиры там. Еще раз убедив-

шись, что на меня никто не смотрит, точнее, не видит, темно уже, я осторожно пошел к мосту. Тут до него было метров сто, моя яма была практически в первой линии, копали мы, можно сказать, в шахматном порядке. Пошел, это, конечно, сильно сказано, крался я так, что боялся дышать. Добравшись до моста, ползком перебрался на ту сторону и стал искать трупы, которые удалось разглядеть вечером. Странно это все, нам вроде как запрещено использовать вражеское оружие, но осмотреть убитых-то можно было! Мало ли чего у них с собой было. Карты, еда, да блин, оружие-то тоже необходимо, говорю ведь, что своего-то нет. Как воевать? Мародерство? Да по барабану.

Нашел. Хоть и пришлось буквально ползать по траве, так как было темно, но нашел. А хорошо у нас кто-то пострелял. Два трупа в немецкой форме и мотоцикл. Оказывается, мотоциков было два, второй был одиночкой и, видимо потеряв наездника, рухнул на землю. Кто был вторым трупом, непонятно, то ли пассажир с одиночки, то ли с того, что успел удрать. Так или иначе, но я стал обладателем немалых трофеев. У одного на шее был автомат, рядом с другим лежала винтовка. Причем наша, СВТ. А еще в будущем, помню, читал как-то, что фрицам нравились наши «Светки», а вот советские бойцы их только хаяли. Собрав все из карманов убитых фрицев, а было немало, не брал только деньги, зачем они мне, я рассовал все по двум ранцам, что были на убитых. У того, что был с автоматом, водитель мотоцикла, как я ду-

маю, был еще и пистолет в кобуре. Взвалив на себя немалую поклажу, я двинул назад. Удивительно, но почему-то было почти не страшно. Блин, надо было с фрицев сапоги снять, а то в этих долбанных ботинках с обмотками я уже замучился ходить. Решил, что сделаю еще одну ходку, но, видно, не судьба. Только успел подойти к своей ячейке, причем в этот раз меня уже видели, многие ребята сидели возле своих ям, как попал под раздачу.

– Ты где был, боец? – Блин, а на фига так орать-то, врага привлекать? На меня орал командир нашего батальона, капитан Башмаков. Оказывается, он с командирами рот и взводов обходил позиции, а меня не было в ячейке.

– Виноват, товарищ командир. Добывал оружие, чтобы было чем бить врага! – отчеканил я, но не громко.

– Чего? – даже споткнувшись от моего заявления, спросил командир. – Чего ты делал?

– Добывал оружие, товарищ командир. Днем видел, как были уничтожены солдаты противника. Решил сходить и взять оружие. Ведь у нас нет своего, а приказ оборонять мост есть.

– Ты откуда такой умный? – спросил уже начштаба.

– Красноармеец Морозов, призван из запаса... Вот, товарищ командир, возьмите, вам пригодится! – с этими словами я протянул капитану немецкий пистолет-пулемет и запасные магазины к нему, а также бинокль, уж этому подарку он наверняка порадуетя.

– Ты еще что-то взял?

– Да, вот, – я указал на ранцы, – если можно, винтовку я оставлю себе...

– Оставь, патроны-то к ней есть? А то у нас ведь и патронов кот наплакал.

– Да, в ранце лежали, больше сотни, – удовлетворенно ответил я.

Надо ли говорить, что забрали у меня все, что принес, за исключением винтовки и патронов. Правда, я был немного нечестен, утаил две гранаты, спрятал к себе в сидор еще там, возле трупов.

Думал, что все будет хорошо теперь, но утро началось с политинформации. Политрук битый час объяснял бойцам, что красноармеец Морозов поступил плохо. Во-первых, он обокрал убитых, во-вторых, взял оружие врага, а это показательно, делать этого нельзя. Ну и, в-третьих, ушел с позиции, никого не предупредив, то есть чуть ли не дезертировал. Везде я был неправ. Меня поставили перед строем, где потребовали обещать больше такого не делать. Я был удивлен, что меня вообще не расстреляли тут, поэтому чуть расслабился. Политрук вдруг добавил, что вообще-то мне полагается трибунал. Вот тут я и провалился...

– Товарищ политрук, а как же воевать, если своего оружия у нас нет, а вражеское вы брать запрещаете? – Дайте мне самое большое полено, я об него убьюсь. Ну, не понимаю я таких ограничений. Надо сразу заметить, человек я прямой

и никогда не молчу, если совершают глупость или ко мне несправедливо относятся. Начальник ли, командир, я всегда говорю правду и как есть. И терпеть не могу, когда лебезят.

— Взяв в руки оружие врага, вы тем самым показываете ему, что цените именно оружие противника, значит, считаете советское оружие плохим!

— Товарищ политрук, так нет же советского. А вообще, я же нашу, советскую винтовку у них и забрал, вот же она! — с этими словами я снял винтовку с плеча и показал этому горлопану. — Немцы же пользуются нашим оружием, для того чтобы нас убивать. А я считаю, для уничтожения врага все средства хороши.

— Но ведь ты же и немецкое взял? — не унимался политрук.

— Да, но я его сдал...

— Бойцы, партия Ленина — Сталина дает нам лучшее оружие в мире, никогда не берите пример с таких бойцов, как Морозов... — Бла-бла-бла. Конечно, не нужно брать пример с меня, берите с трусов и паникеров или политруков. Они вас живо научат, как быстренько сдохнуть за Родину. Как меня бесит уже эта болтовня, кто бы знал! Посмотрев по сторонам, поймал взгляд командира батальона. Увидел его и даже не понял, показалось мне или нет. Командир мне подмигнул и кивнул головой. У него на груди висел немецкий трофейный автомат. Ну, или пистолет-пулемет, не важно, как именно он зовется.

Избавил и меня, да и всех бойцов от этой болтовни тот

же командир батальона. Просто дождавшись паузы в речи политрука, он громко объявил:

– Заканчиваем политинформацию! Бойцы, по местам! – И все ломанулись в свои ячейки. Очевидно, что бойцы, так же как и я, страдали от такой партийной заботы. Нет, согласен, политическая работа в армии нужна, но все должно иметь свои рамки.

Очень хотелось есть, кажется, я уже больше ни о чем не думаю, кроме еды. Блин, чего я лоханулся и не положил в свой сидор что-нибудь из жратвы. У фрицев были консервные банки в ранцах, не знаю только с чем. Еще какие-то хлебцы в бумаге, или это галеты были, черт его знает. Одно скажу, если бы похитрее был, сейчас бы сидел сытым.

Солнце начинало жарить. Утро еще фактически, но жара стоит... Блин, речушка совсем ведь рядом, а не искупаться. Вчера, после «раскопок» бойцы так просили разрешить им окунуться, но нет, ждем врага, какое купание. От нечего делать решил разобрать винтовку. Я ведь о ней, если честно, почти ничего не знаю. Подумав, решил найти старшину, есть тут один мужичок, сам видел, как он объяснял одному молодому бойцу, как нужно ухаживать за оружием. Вылез на «волю» и осмотрелся. Все чего-то делают, копошатся. Кто-то курит, у меня, кстати, вообще нет табака, да и не хочется пока вроде, кто-то читает газету. Нормально так, врага ждем. Старшина оказался возле рощи, шел от палатки командиров.

– Ты чего вылез? – остановил тот меня, когда приблизил-

ся.

– Товарищ старшина, не поможете с винтовкой? – спросил я, протянув ствол.

– А-а, – протянул тот, – это можно. Пошли.

Мы вернулись к моей ячейке и, свесив в нее ноги, уселись на землю. Старшина довольно шустро разобрал СВТ-40 и разложил детали на мою запасную портянку, это я успел ее достать.

– Смотри внимательно, – начал он показывать, – грязь вот здесь, видишь эту хреновинку? – Я кивнул, рассказ мне уже нравился. – Не даст тебе стрелять, заклинит нафиг. Смотри, регулятор чистится вот так...

Минут двадцать я вникал, так долго, потому как старшина не прерывался. Привык он, видимо, новобранцам объяснять, а ведь я вообще-то служивший. Автомат Калашникова обслуживал, чай, здесь не труднее. Когда я довольно легко собрал за минуту винтовку в боевое положение, старшина кивнул и, хлопнув по плечу, потопал по своим старшинским делам. Я еще разок проделал все манипуляции с винтовкой и, наконец, зарядил ее. У немца с собой было только два магазина от нее, жаль, часто придется переснаряжать, а так мне нравилась пока эта «игрушка», не знаю, правда, как в бою себя покажет, но в руках лежит приятно. Кстати, этот же старшина дал ответ по патронам, что были у фрица в подсумках. Я просто не знал маркировку, оказывается, у меня было аж двадцать зажигательных патронов, хорошо, пригодятся.

Около десяти утра в небе зашумело. Все задирали головы, стараясь хоть что-то разглядеть, но тщетно. Самолеты, а это были они, или летели где-то в стороне, или очень высоко. Но это была на самом деле фигня, ибо страх пришел чуть позже, когда голову опустил. На той стороне реки, за мостом, поднималась пыль. И тут же прозвучал сигнал:

– Немцы!

Все, кто был наверху, попрыгали в свои ямки, я и так в ней был, поэтому только взял в руки каску и водрузил ее на голову. Тяжелая, зараза. Местность за мостом была интересная и удобная именно для противника. Метров через двести рельеф опускался, образуя таким образом удобное для сосредоточения противника место. Хреново, минометы бы сюда, но у нас даже гранат обычных почти нет, что уж говорить об артиллерии.

– Бойцы, внимание, – раздалось эхом над головами, – враг хочет переправиться, ему нужен мост, не дадим захватить его!

Странно, ладно бы мост нужен был нам, ну или, на худой конец, отступающим войскам. Не понимаю, на фига тут лежать, умирать, наверное, мы бы больше пригодились в другом месте... Спалили бы к чертям собачьим этот мостик, деревянный же! Брода тут нет, слышал, командиры говорили, немцам нужно было бы топтать дальше, в поисках переправы, а это и время, и силы. Не понимаю.

На полоску земли перед мостом выехали два бэтээра, так

как маскировки у нас не было, от слова совсем, немчура тут же открыла огонь из двух пулеметов. Втянув голову, осторожно наблюдал, ждал сигнала. Командиры предупредили, что будет ракета. Блин, да пока мы тут ждем, все уже в штаны накидают от страха, я в том числе. Чем дольше ты смотришь на эти долбаные пулеметы, тем меньше желание вылезать из ячейки.

– Да пошло оно всё! – буркнул я вслух и высунул голову. Как будто услышав мою речь, пулеметы на бэтэрах замолчали. Я как-то воспрял духом даже. Положил винтовку перед собой и начал целиться. И тут началось! Свист и вой, летящий с неба, заставил забыть обо всем. Я только без конца крутил головой, стараясь понять, как поступить.

Бах, бах, ба-бах, бах, бах! Разрывы слились в один. Мины, а это были именно они, противно завывая, накрывали всю местность перед мостом. Не было слышно ни единого выстрела с нашей стороны. Да и в кого стрелять? Минометы там, за складкой местности, хрен их достанешь, с бэтэров, видимо, корректируют огонь.

Одна из мин ложится где-то уж совсем близко, ибо меня в момент взрыва даже подкинуло. Блин, и чего теперь? Неужели вот так и погибали наши деды на этой сраной войне? Погибали не то что, не выстрелив по врагу, а даже и не видя его... Для чего же я попал сюда? Просто так, случился перенос и все? Сдох там, теперь здесь? Или это так и происходит, что после смерти душу человека просто переносит

в другое время и место? Это только читать долго, на самом деле мысли проносились в голове со страшной скоростью, и каждая следующая была страшнее предыдущей. А ведь фрицы сейчас наверняка поднимаются уже в атаку. Под прикрытием своих минометов они вполне могут рассчитывать на то, что удастся захватить мост. Блин, ну почему его не сожгли??

В этот момент наконец различаю звуки стрельбы. Прислушиваюсь и понимаю, что мины перестали грохотать. Вновь высунув голову, еле заставил себя это сделать, отмечаю краем глаза, что вокруг начинают стрельбу наши бойцы. Те, конечно, у кого было оружие. А вот и командир. Лежит уже впереди и призывно машет рукой, привлекая внимание бойцов. Ни фига не понимаю, чего он там орет. Просто стряхиваю с винтовки землю и готовлю ее к выстрелу. А немцы-то и, правда, идут уже. Метров пятьдесят им до моста, странно, на фига они минометный обстрел прекратили, вообще бы без потерь подошли.

Редкая стрельба с нашей стороны обуславливалась еще и тем, что обстрел минами явно не прошел бесследно. Сколько убитых, сколько раненых, наверное, не знает никто сейчас. Ловлю на мушку первого фрица, вон он, по прямой, меньше двух сотен метров до него. На секунду замираю, кажется, даже глаза закрыл. Наконец, все же жму на крючок – и не попадаю. Да уж, давно не брал я саблю в руки. А уж такую и вовсе никогда. Хоть бы увидеть, куда пули летят, чтобы понять, как нужно стрелять. Делаю еще один выстрел и теперь,

о чудо, замечаю, как пуля впирается в землю, не долетев до фрицевской шеренги несколько метров. А те ведь еще и двигаются. Хоть и почти пешком, но фрицы, слегка пригибаясь, стараются преодолеть расстояние до моста.

– Не дадим фашистам переправиться! – О, блин, он еще живой, что ли? – Командир был в первых рядах; да, уставы тут будут писать кровью.

– Эй, вы чего, очумели, что ли? – аж вслух сказал я, когда из ячеек начали вылезать уцелевшие бойцы. Причем поднимались все, как с оружием, так и без него. Мне совсем не хотелось подставляться под пули. Сложного ничего нет, тупо сдохнуть на просторах Родины, а кто за нее воевать-то будет?

Но я тоже вылез, иначе трусом ведь обзовут да под трибунал отдадут. Бежать оказалось вовсе и не надо. Вон они, враги, на фига еще и сблизаться-то? «Светка» у меня стреляет точно, несколько раз выстрелив, я уже понял ее нрав. Фрицы, наступающие примерно ротой, в таких условиях не считаешь толком, остановились и залегли. Сколько их тут, сотня, полторы? В любом случае у нас нет шансов.

– Товарищ старшина, сейчас опять мины полетят! – кричу я, увидев рядом старшину.

– Брысь в ячейку! – ответил строго умный старшина и побежал к командиру. Со стороны немцев послышались трели свистка. Надо отдать должное старшине, сумел он убедить командира вернуться на позиции. Приказ последовал незамедлительно, но я уже и так укрылся. Снарядил один отстре-

лянный магазин и добил недостающие во второй. Вновь высунувшись из ямы, увидел дымы, поднимающиеся из той низины, где скучковались фрицы.

– Танки! – вновь заорал кто-то. Блин, а я ведь и не сообщал раньше. Кто-то у нас приглядывает за той стороной, надо же, командир-то, видимо, соображает...

И точно. Рыча моторами, выпуская в небо белый дым из выхлопных труб, на нас выкатывались танки. Ух ты, а я думал, они пострашнее будут. Где тут хваленые немецкие «четверки» или «тройки»? К нам, точнее пока к мосту, лезли какие-то танкетки. Если вспоминать известную игру будущего, то больше всего эти танчики напоминали... Да чешскую табуретку они напоминают, вот что. Наблюдаю за ними поверх винтовочного ствола.

– А не врал, значит, в книгах-то! – сплюнул я в сторону. На танках я отчетливо видел канистры с топливом, очень хорошо. Интересно, а еще кто-нибудь об этом знает? Орать и что-то доказывать не буду, попытаюсь поджечь один танк, авось наши и догадаются, что тут и почем. Вовремя я вспомнил о канистрах, ой вовремя.

Взяв один магазин, выщелкиваю из него несколько патронов. Достав из кармана «зажигалки», протер патроны тряпкой и вновь снарядил магазин, тут же вставив его на положенное место в винтовке. Не зная, как полетят новые пули, решил просто пострелять по ближнему танку. Тот уже был у моста и вот-вот начал бы переправляться к нам, друзья его

активно поддерживают. Их скорострельные пушки перепашивают землю перед нами, как хороший трактор. Черт, обзор хреновый у меня, но все же я начал.

Ракурс был очень неудобным, поэтому первые всполохи огня на корме этого маленького танчика, идущего первым, я заметил, когда тот почти доехал до нашей стороны реки.

– Горит, ребята, горит, гад! – кто-то совсем рядом восхищенно кричал. Слушать было некогда, у нас работы на весь день, танков-то вылезло аж восемь штук. Кстати, когда последний показался, я задумался. Идущий в хвосте «ромба» Т-3 на фоне малышей казался мастодонтом. Длинные антенны выдавали в нем машину командира роты. Пристально разглядывая командирский танк, отметил, что канистр на нем нет, хреновато, а как же нам его остановить? Пробивать его броню у нас нечем...

«Нужен рывок, но, думаю, никто не побежит. Точнее, не добежит», – подумал я. Осторожно выглянув, не увидел никого из готовых умереть. Люди так же сидели в ячейках и постреливали. Что ж, надо и мне продолжать, патроны зажигательные еще есть, использовал я только пять штук, теперь буду экономнее. Кстати, если немцы потеряют несколько машин, может, и не полезут дальше. Еще одно чудо чешско-немецкой инженерной мысли попыталось прорваться к мосту. Для этого желающему намотать на гусеницы наших бойцов нужно обогнуть неудачника, что уже горел. Черт, мне

бы куда-нибудь в сторонку отойти, чтобы борт лучше видеть... Как по команде двигавшийся к мосту танк на секунду остановился за кормой горевшего собрата.

– Они хотят на буксир его взять, огонь, ребята! – донеслась команда. Блин, умные гады. Видят, что, объезжая препятствие, подставят нам борта, вот и решили оттащить горевший танк.

Плюнув на маскировку, просто вылезаю из своей ямки и ползком ухожу в сторону.

«Господи, мне бы хоть метров двадцать проползти!»

Выстрелы слышны с обеих сторон, свиста пуль не слышу, а вот разрывы танковых снарядов вспухают регулярно. Черт, как же страшно-то!

– Куда, назад! Жить надоело? – вроде голос старшины. Меня хватают за ногу и стаскивают в какую-то яму. Встав на ноги, вижу старшину.

– Ты куда собрался, мать твою? – орет старшина.

– Этого случайно поджег, остальные так не подставятся, надо сбоку зайти! – ору в ответ я.

– Так это ты его зажег?

– Ну да, у меня же «зажигалки». Вы же мне сами маркировку читали.

– Давай, я прикрою, – как будто он один что-то сможет сделать.

Вновь я на земле и ползу, по сантиметру перемещая тело, стараясь не попасть кому-нибудь в прицел. На меня то и де-

ло орут, огрызаются. Конечно, я же многим в прицел попадаю, ладно хоть не пристрелили еще, вот будет потеха, если меня свои же завалят. Наконец, осмотрев подступы к мосту, решаю, что достаточно уже, ракурс вполне себе хороший. Нахожу очередную ячейку, та немного разворочена близким взрывом и на дне лежит непонятная масса.

– Твою мать, как же вовремя! – сплевывая, говорю вслух. Только что меня знатно вывернуло, увидев, во что превратился боец, занимавший эту ячейку. Парень занимал все место в яме, пришлось, извинившись, вставать прямо ему на спину. В глазах были слезы, это последствия после рвоты. Протираю глаза рукавом и понимаю, что теперь у меня полные глаза грязи. Ну что ж все так через задницу-то? Положив винтовку на бруствер, судорожно протираю глаза, вытянув из-под гимнастерки кусок нательной рубахи.

«Вроде ничего, вижу нормально», – проморгавшись, подумал я, беря в руки винтовку. Прошло всего минут пять, за это время немцам под огнем наших бойцов удалось прицепить горевший танк на буксир. Вот же черти профессиональные, и не боятся же огня и стрельбы! Танк, которому была отведена роль буксира, дал газу, выпустив в небо клубы белого дыма.

– Или сейчас, или будет поздно. Если тут застрянут сразу две машины, пройти здесь врагу будет уже гораздо сложнее, – разговоры с самим собой уже становятся нормой.

Второй танк я зажег уже с трех выстрелов. Начинаю

учиться. Хорошо горит, высказывающие танкисты пытаются убежать, их настигают пули моих товарищей по оружию. С той стороны слышна трель свистка, и оставшиеся коробочки начинают отползать.

«О, правильное решение, ползите вообще обратно, в ваш красивый Берлин!» – пролетает мысль.

«А вот это неправильно!» – я сваливаюсь в ячейку, забыв, что она вообще-то занята и места мне здесь мало. Дело в том, ЧТО я увидел. Немцы активно прятались, а из-за их спин вновь полетели мины. Блин, в этот раз они долбили еще дальше. Сколько же у них боеприпасов. Согласен, что враг на машинах, но ведь грузоподъемность-то не резиновая! А спустя минут тридцать, когда минометы вновь утихли, оказалось, что фрицы уже умудрились подцепить горевшие танки и начать их оттаскивать. Что делать? Стрельба была активной, причем, к сожалению, не с нашей стороны. Вообще, ощущение такое, что нас тут осталось всего десяток, может два. А, хрен бы на этот мост, зажечь его к чертям собачьим.

- Эй, поджигатель! – услышал я откуда-то сбоку.
- Кто тут? – не разглядев вначале, спрашиваю я.
- Лейтенант Светлаков, командир первой роты.
- Да, товарищ командир...
- Попробуй зажечь немца на мосту!
- Хорошо, только патронов осталось всего ничего.
- Они сейчас полезут снова, командир приказывает уничтожить мост, а как нам это сделать?

– Я попробую, виноват, сделаю! – почему-то я стал вдруг таким решительным и исполнительным...

Немцы и правда пустили вперед сразу все оставшиеся танки. Те полным ходом неслись к мосту, активно маневрируя и постреливая из пулеметов.

«Ну, давайте, давайте, на мост-то все равно по очереди будете въезжать!»

Один из наиболее вертких оказался на мосту. Он так и пролетел бы его, не брось перед ним кто-то из наших бойцов гранаты. Я даже видел, как связка полетела. Значит, кто-то из ребят подполз так близко, что смог добросить. Танку гранаты не навредили, но видимо, слегка разворотили настил моста, так как вражина встал как вкопанный. Это и дало мне возможность выстрелить. Хватило всего двух патронов, чтобы новый костер появился на переправе. Причем этот еще и рванул, что понравилось больше. Первые два, что я остановил, почему-то просто заглохли, а вот этот уже хорошенько так рванул. Как в кино, отлетающей башни не было, видимо, рвануло топливо в баках, до боекомплекта не дошло, но и то хорошо. Мост сейчас надежно заблокирован, чтобы освободить его вновь, немцы должны быть совсем без страха. А я думаю, что там, так же как и мы тут, хотят жить. Еще один из немецких танкистов, видимо, разозлился и сделал глупость. Ну, а что, думаете, у немцев все солдаты роботы? Я вас умоляю, там такие же люди, им свойственно и нервничать, и ошибаться. На скорости влетев на мост, он воткнулся

в стоявшего товарища. Не знаю, что он хотел этим сделать. Столкнуть его в воду, или просто выпихнуть с моста, но, раскатав гусянку, замер, да еще и борт мне подставил. Ждать я не стал. Три новых выстрела – и еще один костер на мосту. Черт возьми, а мне понравилось!

В этот раз мин не было. Немцы затихарились и несколько минут не высывались. Оба бэтээра, едва высунувшись, так, чтобы пулеметчики в них могли стрелять, застыли в низине. Огонь был плотным, но, скорее, беспокоящим. Нам просто не давали высунуться, боясь, что мы пойдем в контратаку. А спустя еще полчаса над нами заревели двигатели самолетов. А я-то грешным делом думал, что не станут фрицы помогать какой-то маленькой части взять такой незначительный объект. Значит, все-таки значительный, если прислали аж четыре «юнкерса». «Лаптежники» сначала прошлись пулеметами, видимо, присматривали цели, а вот на второй круг уже пошли с пикированием. Вообще, местность возле моста не давала возможности самолетам пикировать очень низко, деревья мешали. Бомбы упали кучно, грохот такой, что меня выбросило из ячейки, еле вернулся назад. Всего самолеты противника сделали три захода. Третьим вновь были пулеметы. До этого я еще на себе не испытывал такую жесть. Думаю, что если бы не знал ранее о ревунах на самолетах, запросто бы обделался.

– Эй, живые есть? – крикнул я, когда установилась тишина. Отвечать-то вроде и отвечали, но так редко, что не пой-

мешь, живые там или уже нет...

Высунув голову, не увидел никакого шевеления ни у нас, ни у фрицев. Даже странно, чего это немцы не воспользовались нашим замешательством. Над позициями стоял густой дым, воронки от бомб дымили. Решил пробраться поближе к тому месту, где находились командиры. Зря это сделал. Блехать пришлось весь недолгий путь. Кругом растерзанные тела наших бойцов. Жуть. Сначала пытался глаза закрывать тем, у кого были открыты, но быстро понял, что просто не смогу дальше. Слишком много убитых, слишком. Ползал я, как оказалось, не один. Несколько бойцов во весь рост мчались к роще. Посмотрев им вслед и подумав, что они сейчас хорошая мишень, как будто сглазил. Затрещали пулеметы противника, и убегавшие попадали на землю сломанными куклами.

— Что? Не понимаю? — я лежал рядом со старшиной и, придерживая ему голову руками, пытался понять, что он говорит. Старшине перебило ноги, превратив их в месиво.

— Уходи, парень, не устояли мы... — наконец старшине удалось связно произнести слова, и он умер у меня на руках. Закрыв глаза этому воину, уже из моих глаз покатились слезы. Что делать-то, бежать? Обернувшись и взглянув на долбаный мост, я застыл. Страх сковал конечности, я просто не мог шевельнуться. По мосту уже вполне спокойно шли фрицы, до них всего было метров сто.

«Значит, такая уж судьба!» — мелькнула мысль. Хоть неда-

ром сдохну, четыре танка остановил, хоть и не уничтожил, все какая-то польза. Увидев рядом со мной еще одного убитого бойца, я подтянул его за рукав, затащив на себя, просто положил голову рядом с головой старшины и приготовился ждать. Либо добьют сейчас, либо плен, третьего не дано. Со смертью смирился еще пять минут назад, а вот в плен не хочу. Не потому что, знаю, как там будут обращаться с контингентом, а просто не хочу служить фрицам.

Немцы топали и топали, наверное, их тут дивизия, очень долго идут. Но, что характерно, техники маловато для дивизии. Насколько смог мысленно представить и сосчитать, прошло единиц двенадцать, даже и не знаю чего. Гусеничных машин штук шесть, это по лязгу можно было понять, но сколько-то еще и обычных грузовиков было. Уже минут двадцать как враги идут мимо меня. Странно, не добивают почему-то... То ли решили, что здесь одни трупы, то ли малохольные они еще, не ждут удара в спину. Немцы шли молча. Да уж, потрепали мы им нервишки. Какой-то сраный стрелковый батальон неполного состава смог изрядно их проредить.

Когда грохот техники и звук шагов стал стихать, подумал, что, возможно, и выживу. Лишь бы трофейщики не нагрянули прямо сейчас. Эх, до темноты бы дожить, а там можно и свалить. Хотя бы попытаться это сделать. Куда идти и не посчитают ли это дезертирством, когда наткнушь на какую-нибудь часть Красной Армии, как-то и не думалось. Просто ле-

жал и ждал момента.

До темноты так и не рискнул подняться, а когда все же это сделал, то чуть не шлепнулся назад. Тело было словно из дерева, руки ноги затекли. Медленно, стараясь быть незамечным, мало ли кто тут в округе остался у немцев, я пробирался к роще. Краем глаза отметил, что сожженные танки с моста фрицы оттащили. На той стороне реки у них было что-то вроде лагеря разбито. Горели два костра и слышались голоса. Дойдя до деревьев, нашел тут остатки палатки и трупы командиров. Все были обобраны, ни оружия, ни личных вещей не было. Блин, чего мне делать-то? Стучала в голове мысль о том, как поступали наши бойцы в таких ситуациях там, в моем времени. Куда идти? Понимаю, что вроде на восток надо, к своим, да вот смогу ли пройти? Кругом немчура, а у меня ни оружия, ни еды, а есть хочется просто жуть как. Решил сходить к реке и посмотреть, что там делают фрицы. Больно уж грохот стоит серьезный на той стороне. Оказалось, шестеро немцев ремонтируют танки. Да-да, те самые танчики, что я лично поджигал сегодня днем! Оружия у фрицев в руках не было, пирамида с винтовками стояла чуть в стороне от работяг. Значит, это рембатовцы, их заставили чинить танки, которые не получили серьезных повреждений. Понятно. Блин, вон у них жратва стоит, в котелках прямо на земле. Бутылки какие-то, с вином, что ли? Появилась дерзкая мысль, что если переплыть речку, она узкая тут, да и захватить оружие у врага? Пирамида стоит в стороне от

танков, если осторожно переплыть, то может и получиться. А что потом? В плен вести их, что ли? Застрелить их прямо тут у меня наверняка не выйдет. Вдруг поблизости еще кто-то есть, а из винтовки быстро не постреляешь. Ну на фиг, пошел-ка я отсюда прочь, чего я, терминатор, что ли!

Роцца кончилась как-то быстро, впереди лежало поле и... танки на нем. Костры по периметру подсвечивали такую картину. Около двадцати немецких бронированных машин стояли в готовности. Что они тут делают, на ночевку встали, что ли? Черт, одни вопросы. Хорошо было в батальоне, думать не нужно, что сказали, то и делай. Пушечное мясо, вот мы кто, от всей души хлебнул этого счастья. Обойти поле, пока ночь, вот что надо сделать, да только где гарантия, что и дальше фрицев нет... Решил чуть вернуться под деревья и там по окраине пройти. Слева под большой елью что-то белело. Подойдя ближе, разглядел убитого бойца, почему-то в одной нательной рубаше. Рядом лежала винтовка, наша «мосинка». Поднырнув под нижние лапы елки, я уселся рядом. Странно, но уже привык, что ли, позывов для рвоты не было совсем. Осмотрел труп, парень явно спрятался здесь, но умер от кровопотери. Вон у него весь живот в кровище, задохшей уже. Взял в руки винтовку и дернул затвор, пусто. Осмотр карманов, подсумков не было, тоже ничего не принес. Ладно, возьму хотя бы ствол, патроны могут найтись позже. Документов у бойца тоже не было, как и гимнастерки, где он ее обронил? Ответов нет.

Так, пробираясь в тени деревьев, я и обходил вражеский лагерь. Часовые были всего метрах в двухстах, но не замечали меня, да я и не шумел. Топал себе, пригибаясь к земле, и топал. Впереди темнела не то новая роща, не то вообще лес, там видно будет, когда дойду. Если дойду.

Заночевать я решил в лесу, что заметил ранее. Хотя ночь уже на исходе, конец июня, светает рано, но все же было еще темновато. Да уж, вот это был лес так лес, а не какая-то роща. Подлесок густой, но комаров мало, жарко, даже ночью. Зайдя поглубже, нашел местечко в овраге, там и остановился. Идти дальше и сил не было, и желания. Хрен его знает, идешь тут, идешь, а выйдешь опять на немчуру. Как уснул, даже не заметил. Очнулся от того, что кто-то вырвал у меня из рук винтовку. Тут же вскочил, но полетел обратно от удара в грудь.

– Хватит с него, Петро, не видишь, что ли, и так обосравшись сидит здесь, один и без патронов! – говоривший был в нашей военной форме, но без знаков различия и головного убора. Второй, который меня и ударил, выглядел так же. Оба небритые, грязные и злые.

– Вы чего, мужики? Я ж свой! – ляпнул я.

– Кому свой?

Я открыл рот, но не стал ничего говорить.

– Да валить его, да и баста! – вновь рыкнул тот, что был с моей винтовкой. Он даже отложил ее в сторону и достал штык-нож, блин, вот это свинокол!

– Давай по-быстрому, Петро, да пошли дальше, немцы рядом, недолго осталось топать.

– Вы к фрицам, что ли? – спросил почему-то я, хотя и так понятно, предатели.

– Почему к фрицам? – не понял говоривший.

– Не бери в голову. Идите, чего я вам сделал?

– Ты нас видел, вот и все! – беззлобно закончил разговор предатель и пошел в сторону.

Этот Петро с ножичком стоял рядом и начал наклоняться ко мне, отводя руку с тесаком в сторону, чтобы ударить меня. Эх, была не была! Хмырь уже было ударил меня, да только моя нога ему в пах прилетела все же чуть раньше. «Свинокол» из лап предателя выпал мгновенно, а тишину леса нарушил настоящий рев кабана. Я же ждать не стал и, схватив штык, со всей дури вогнал этому уроду в спину. Нож вошел в тощую спину примерно наполовину. Подхватив винтовку, я бросился бежать. Тот второй, что и говорил со мной, уже бежал к своему другу. В момент драки он успел немного отойти.

– Сука, я тебя порву сейчас! – заорал он, а я не слушал, а просто бежал. Благо уже было светлее, чем тогда, когда я только вошел в лес, а то бы запарился в деревья врезаться. Поднявшись наверх из оврага, я обернулся и, увидев в нескольких шагах преследователя, рванул прочь. Впереди стояло огромное дерево и, забежав за него, я остановился. Хрен ли тут бегать, загонит на фрицев еще! Я прижался к

стволу могучего дерева, сжав винтовку в руках. У предателя в руках я видел наган, но ничего, я тоже умею стрелять, если надо, могу и прикладом пальнуть. На близком расстоянии вполне себе хорошая пуля. Даже на снаряд больше похожа. Слышу, как трещат ветки слева, и, приготовившись, подняв винтовку в руках, просто горю от нетерпения. Секунда, вторая, кажется, у меня даже сердце бьется с перебоями. Наконец, враг появляется там, где я его и жду, и я вылетаю. Тот успел выстрелить, правда, я так и не понял куда, ибо револьвер был направлен вниз. А вот мой «выстрел» прикладом влетел куда надо. Удар по ребрам затыльником «мосинки», это жесть. Кажется, я даже услышал, как треснули ребра у предателя. Тот, складываясь пополам, отлетел на пару шагов назад, выронив оружие. Быстро подняв наган, заглянул в барабан. Почти полный, это хорошо. Введя курок, я просто выстрелил с двух шагов врагу в голову и... промахнулся. Уж больно тот крутился на земле.

– Твари, фриц не добил, так свои горазды. Суки конченные, вот вы кто! – я выплюнул слова, глядя на уroda, что хотел меня убить.

– Не стреляй, парень, бери что хочешь, только не убивай! – скулил предатель.

– Чтобы ты и дальше убивал таких бойцов, как я? Нет уж гад, сдохни! – тот весь сжался, а я вновь выстрелил. На этот раз попал, может, потому что стрелял в грудь, а не в башку. Неважно, предатель дернулся несколько раз и кончился.

Пошумел я прилично, хорошо еще, что лес тут был действительно лесом, это не вчерашняя роща возле реки, просматриваемая вдоль и поперек. Быстро осмотрев карманы и сидор предателя, я побежал обратно к его другу, которому я ножик в спину засунул. Осмотр его тела также принес мне некоторые трофеи. Дальше я направился в глубь леса, уходя от возможной погони. Пробежать удалось немного, вряд ли хотя бы на километр. Тупо устал, да и сил больше не было, еще и ел последний раз нормально больше суток назад. В очередной раз запнувшись о какую-то корягу, просто упал, уже не сумев поймать равновесие. Минут десять просто лежал, успокаивая дыхание. Сколько всего произошло за последние сутки. Всего за сутки!!! Для человека из двадцать первого века это слишком много. Эмоциональный взрыв в голове не возникал только по причине того, что я все-таки немного был готов к такому. Откуда? Ну, было многое в прошлой жизни, друг Горацио. С кем я сейчас говорю? Да, дожил, блин!

Первым делом, как пришел в себя, решил скорее поесть. Обирая трупы предателей, видел в сидорах железные банки, наверняка консервы. Так и оказалось. Две банки тушенки, какая-то каша с мясом, гречневая вроде, аж три банки и банка сгущенки. Не густо, но и не пусто. Фляга с водой и ее соратница с водкой были приятным сюрпризом. Не то чтобы хотелось нажраться, но когда тяпнул колпачок беленькой, предварительно сожрав полбанки тушенки, в душе на-

конец-то потеплело. Когда успокоился желудок, пришла пора осмотреться. Черт, откуда столько синяков? Руки, ноги, да все тело было синим. Болело всё. Вытащив из сидоров все, я расстелил пустые мешки на земле и стал аккуратно раскладывать трофеи. Первым делом отметил патроны к нагану, немного, двадцать четыре штуки россыпью. Дальше шли шесть полных обойм к винтовке Мосина. Две гранаты, наши Ф-1. Нехило предатели прибарахлились. Сколько человек они так обнесли, а может, еще и убили. Суки, одним словом. Из еды больше ничего не было, ни тебе хлеба, ни сала. Ладно, ем я немного, мне и этого хватит на пару дней, если не жрать в три горла.

Насыщение и порядок в трофеях привели к тому, что захотелось спать. Наученный горьким опытом прошлого пробуждения, стал искать место. В той жизни, в детстве, мне удавались хорошие шалаши на деревьях, а почему бы и сейчас такой не замутить. Выбрал большую березу, с густой, очень ветвистой кроной и, обхватив ствол с помощью ремня, начал влезать. Вещи, что висели за спиной, тянули вниз, особенно «мосинка», но я упорно лез наверх. Оказавшись на высоте шести-семи метров, обалдел. Внизу вообще ничего не видно, слишком уж густая крона и подлесок. Развесил на сучьях вещи и, достав штык-нож, принялся осторожно резать толстые длинные ветви, но только так, чтобы не нарушать общую маскировку. Как делать гнездо знаете? Да элементарно! Заплетаешь ветви между сучками, главное, чтобы

эти самые ветви были длинными, тогда будут держать. Вставляя ветви одну за другой, я плел и плел свою паутину. Через часа полтора гнездо было готово. Я с удовольствием оглядел свое изобретение, на самом деле вовсе и не мое, и слез вниз. Все получилось, как и хотел. Вряд ли кто-то, идя по лесу, тем более во время войны, будет смотреть так высоко. Да если и посмотрят, гнездо все с листьями, да и вокруг густая крона, надо еще умудриться заметить его. С одобрением кивнув самому себе, полез было назад, но почувствовал позывы сходиться до ветра. С собой вниз я брал только наган, поэтому, не раздумывая дольше, пошел искать место, главное, чтобы в стороне от гнезда. Найдя таковое, обрадовался, в лесу бежал небольшой ручеек, вот в него и сходил, а заодно и сполоснулся, уйдя чуть выше по течению. Когда холодная вода смывала с меня грязь, я аж закатил глаза. Так бы и рухнул прямо в ручей, но он очень илистый, не хотелось поднимать муть со дна. Стоя по щиколотку в освежающей холодной воде, я растирал тело нательной рубахой, которую использовал вместо мочалки. Мыла бы кусок, да где его взять-то теперь, надеюсь, в будущем найду. Завершив туалетные дела, быстро вернулся назад к дереву с гнездом. Осмотрев подходы и не заметив ничего подозрительного, не хватало еще следы оставить, я вскарабкался наверх. Отстегнув ремень от винтовки, я перекинул его вокруг толстого, с мою ляжку, сучка и привязал к своему ремню. Теперь, даже если и рухнет гнездо, а это вряд ли, я все равно не упаду вниз. Наган был в кармане,

вещи висели надежно, не упадут, теперь можно и поспать. Только смежил веки, как тут же провалился в глубокий сон. Видимо, организм был почти на пределе.

Проснулся в этот раз лишь от того, что сильно хотелось в туалет. Открыв глаза, обалдел. Все еще ночь? Блин, а я вроде выспался, да и тело отдохнуло наконец. Затем я окончательно проснулся, поняв, что в лесу уж как-то очень темно. Я же залезал сюда почти на рассвете, а тут темень... Вот же блин, я ведь продрых сутки, наверняка сутки. Слезать не хотелось категорически, было тупо лень. В туалет я хотел по-маленькому, поэтому справил нужду прямо с дерева, лишь встав так, чтобы не попало в гнездо. Закончив, перекусил. Полбанки гречневой каши с мясом упали в желудок категорически вовремя, было совершенно наплевать, что холодная, главное, сытно. Вновь выпив колпачок водки, я вытянул ноги, насколько мог, разминаясь. Нет, хорошее я гнездо устроил, почти во весь рост помещаюсь, это если боком лечь. Так я как бы оборачивался вокруг ствола дерева и места мне хватало. Идти куда-то в ночь не хотелось, да и не знал я, куда идти. Решил дожидаться рассвета, а там сориентируюсь по солнышку и пойду.

Рассвет забрезжил часа через три, это я по ощущениям решил. Солнце в лесу особо не видать, тем более рано утром, оно еще слишком низко. Собрал потихоньку манатки и начал спускаться. Лес был полон звуков, но это обычные для леса звуки. Птички поют, листва шумит, старые деревья по-

трескивают, красота! Идти сегодня по лесу было не в пример легче, чем вчера. Я сейчас все-таки сыт, да и отдохнул отлично. Солнце пока только угадывалось среди деревьев, но этого хватало, чтобы определять направление движения. Бродил больше суток, два раза ложился отдохнуть, так, на пару часиков, основную усталость скинуть. Устал, как собака, но все же на второй день увидел просвет в деревьях.

Из леса я вышел как-то внезапно. Вроде густо было, а тут раз – и стою и смотрю на заливные луга, что тянутся, казалось, до горизонта. Слева, под горой, деревенька. Небольшая, дворов на двадцать, но скотины в ней хватало. Это, кстати, было странно, неужели немцы прошляпили такую богатую деревню? Мимо деревенских домиков пастух вел стадо на выпас. Слышно даже отсюда, как кнут щелкает, подгоняя буренок и не давая им разбредаться.

Минут пятнадцать просто наблюдал, но не обнаружил ничего подозрительного. Вообще, конечно, не хотелось бы выходить к людям. Это ж западные области, хоть и Белоруссия, а не Львовская область Украины, но как-то боязно. Решил подойти поближе, чтобы суметь разглядеть что-нибудь опасное для себя. Наблюдал аж... нескольких минут, вполне хватило. Просто увидев, как в деревне началось шевеление, я пошел прямо к ней. Дело было в том, что я увидел солдат. Немного, человек восемь, но это были явно бойцы Красной Армии. Уж очень корректно они себя вели. Издали не разберешь толком, но раз не шатаются по домам, а чинно сидят

на улице, то, скорее всего, наши советские бойцы.

Меня окликнули сразу, как только появился в поле зрения. Рядом с сидящими на траве бойцами был какой-то командир.

– Эй, боец, подойди! – Призыв мне не очень понравился, но что поделать, когда ты простой красноармеец, а зовет вроде как командир.

– Красноармеец Морозов, сто третий стрелковый полк, восемьдесят пятая стрелковая...

– Документы есть? – оборвал меня командир.

– Да, конечно, – я расстегнул карман гимнастерки и вытащил документы.

– Молодец, что сохранил. Я лейтенант Борисов, собираю бойцов, вышедших из окружения. Остаешься с нами.

– Ясно, только я не был в окружении. Мой батальон разбили возле моста, который мы обороняли, я вроде как один остался. Немцы прошли мимо нас и направились дальше. Я очнулся в ячейке, никого живых нет, вот и пошел на восток.

– Вообще-то, мы сейчас все в окружении. Немец далеко прорвался. Молодец, что сохранил оружие и документы. Больше никого не видел в этом районе?

– Здесь только вас и встретил. Чуть дальше, извините, я не знаю, сколько я протопал по лесу, нарвался на двух бойцов, в нашей форме были. Они отобрали у меня винтовку и хотели зарезать, говорили, что идут к немцам.

– Как же ты смог уйти от них? – удивился лейтенант. – Это

же предатели были! Попадают у нас такие гады, видел уже.

– Так я и не уходил, – пожал я плечами. – Убил я их, товарищ лейтенант.

– Вот так просто, без суда? – еще больше охренел от таких заявлений лейтеха.

– Именно. Какой тут суд нужен? Мне штык в печень пи-
хают, а я что, как баран должен лежать и ждать?

– Ладно-ладно, верю...

– Да хоть верьте, хоть нет, а так и было, – ляпнул я.

– Следи за субординацией, боец! – одернул меня командир. – Все сейчас на взводе, не ты один. Присоединяйся к бойцам, скоро выдвигаемся.

– Если не секрет, куда? – поинтересовался я без особой надежды на ответ.

– Идем на восток, на соединение с частями нашей армии.

– Ясно, – козырнул я и пошел к бойцам. Представившись, был удивлен, что некоторые даже руки не подавали. Ну и ладно, цацы какие, я тоже буду сам по себе.

На привале пробыли еще час. Оказалось, лейтенант выкупал у деревенских жителей продовольствие, под расписку. Получили немного хлеба, именно его и ждали, пока испекут, пару небольших мешочков с какой-то крупой. Воды, жаль, набрали только во фляги, емкости побольше не было. На выходе из деревни задрали головы кверху, в небе был бой, летали сразу восемь самолетов. Когда разглядел, понял, нашим амба, всего трое советских летчиков против пяти «мессер-

шмиттов», печально. Бой длился минуты три, затем ушел в сторону, ну и мы пошли дальше. Топая через поле, командир даже не задумывался о маскировке и шел напрямик, боялся, что немцы появятся. Рядом дорога проходила, странно, что по ней никто пока не ездил. Так потихоньку мы добрались до леса, здесь лейтеха опять удивил.

– Идем по окраине, к дороге! – Я аж сглотнул.

– Товарищ командир, разрешите обратиться? – высунул свой язык я.

– Обращайтесь, боец.

– Может, лесом пойти, на дороге высока вероятность обнаружения противником...

– Ты что, трус? Ты должен бить врага, а не прятаться от него по лесам!

– Товарищ лейтенант, сколько вы набьете врага, если на нас выйдет хотя бы взвод фрицев? – я остановился, пошло оно все, не пойду я с этими смертничками.

– Ты как разговариваешь с командиром, да я тебя под...

– Да успокойся ты, лейтенант, – вдруг подал голос один из бойцов, кстати, этот мне руку подавал, Семеном его вроде зовут, – парень дело говорит. – Боец был внушительного роста, рядом с ним терялись практически все, не то что маленький лейтенантик.

– Это что, бунт? – разъярился командир, но было видно, что он нас боится.

– Да какой к хренам бунт, командир, ты о чем? Ты нем-

ца-то хоть видел, или только из училища?

– Я, я... – начал заикаться лейтеха, всё, не авторитет он, – я сюда на поезде ехал, его разбомбили вчера, искал хоть кого-нибудь, вот вас и нашел!

– Да ты чего оправдываешься? Нашел и нашел. Не наше дело это. Какой толк будет просто сдохнуть на дороге? Пойдем через лес, может, еще кого из наших бойцов найдем, глядишь к своим выйдем в нормальном составе.

– Хорошо, – вдруг окончательно скис лейтеха, – идем через лес.

– Да не кисни ты, лейтенант, мы ведь дело говорим. Я еще в Финской участвовал, опыт какой-никакой имею. Андрюха вон тоже наверняка служил, да и в бою уже побывал. Плохого мы не посоветуем.

– Ладно, бойцы, идем! – заметив, что у лейтехи пустая кобура, я обратился к нему вновь:

– Товарищ командир, вот, держите! – Я вытянул из кармана наган и протянул его лейтенанту. Тот сначала не понял, что я делаю, и тупо смотрел на меня и на револьвер.

– Это чего?

– Берите, говорю. У этих предателей в лесу забрал, вам нужнее, а то вам и стрелять-то не из чего. Эти гады наверняка кого-то из командиров убили, даже планшетка у одного была, правда, почти пустая.

Лейтеха сразу преобразился. Повертев револьвер в руках и проверив патроны, сунул его в кобуру и сказал:

– Спасибо, товарищ Морозов. Я ведь свой где-то потерял, влетит теперь. – Всё, вот теперь лейтеха наш, с потрохами.

– Забудьте. Мало ли кто и что сейчас теряет. Может, мы завтра танк найдем, что уж тут о пистолете думать! – завершил разговор Семен.

Так и пошли. Мы с Семеном впереди, лейтенант попросил. Именно попросил, а не приказал. Пробираясь было нелегко, бурелом здесь был хороший. Пару раз запнувшись о корни деревьев, я пошел рядом с Семеном, а не за ним. В полдень остановились, найдя хорошее место возле лесного ручья. Вода в нем была уж больно чистая, не та коричневая муть, в которой я мылся до выхода к деревне. Эту, блин, даже пить стали все, нахваливая. Разведя костер, бойцы вымылись в ручье и повесили котелки для того, чтобы сварить кашу. Я не стал жмотничать и достал свои запасы.

– О, вот это дело, Мороз! – Ну вот и «погремуха» прилетела. Почему-то я не удивлен.

– Откуда это у тебя, боец? – спросил и лейтенант.

– Ну, так у предателей вещи были, не только наган, была и еда.

– А что еще было?

– Вот это, – с этими словами я вынул красноармейские книжки, их было восемнадцать.

– Откуда они у этих предателей появились? – ну точно молодой и неопытный нам командир достался.

– Командир, ты чего? – уставился на него Семен. – Обо-

краски наших бойцов, к хозяевам шли, надо же было им как-то выслужиться.

— А ты что же, мародерил, Морозов? — лейтенант опять «включил» уставника.

— Ни в коем случае, товарищ лейтенант. Это трофеи, разницу понимаете? — Черт, да что они все здесь на мародерстве помешаны? Точнее на пресечении этого действия.

— Хорошо, я понял, — кивнул командир. Блин, сколько ему хоть лет-то? Выглядит лет на семнадцать. Маленький, щупленький, даже обижать жалко.

Отдыхали мы около трех часов, именно столько отвел на отдых лейтенант. За это время успели и поесть, и помыться, аж жить захотелось. Все это время слышали шум моторов, самолеты противника пролетали где-то неподалеку, но не над нами. Чего им над лесом-то летать? Это позже, когда партизаны начнут действовать, а фрицы их повсюду искать, вот тогда да, будут шерстить кругом. Перед выходом я вычистил винтовку, осмотрев ее. Не понравилась трещина на цевье, вроде маленькая, да хрен его знает, как себя дальше покажет. Может, цевье треснет по всей длине от первого выстрела. И не попробуешь, во вражеском тылу лучше не шуметь, а мы именно в тылу врага, хоть и на своей, казалось бы, территории. Кстати, вот еще одна печалька. Сколько тут уже нахожусь, я имею в виду именно фронт, все никак не могу сориентироваться на местности. То ли в Белоруссии мы, то ли уже утопали в РСФСР. Последнее, конечно, вряд ли, да-

лековато, но постоянно ловлю себя на мысли, что не понимаю, где мы.

Лейтеха, идя по лесу, как-то вообще скис. Семен пытался его подбодрить, но выходило, прямо скажем, фигово. Оно и понятно, он, наверное, представлял, как, выйдя из училища, попадет на фронт, будет командовать ротой или хотя бы взводом, героически защищать Родину, а вышло как? Идет с горсткой не то окруженцев, не то отступающих бойцов, которые к тому же его ни во что не ставят. Вот и топает, повесив голову.

На поле вышли как-то внезапно. Я уже привыкать стал, идешь вроде, идешь, чащобы такие местами, что хрен пролезешь, а потом вдруг раз и... поле. Либо болота, к счастью, сейчас в основном пересохшие. Поле на этот раз такое огромное, что конца не видно, и все в золотистой пшенице. Эх, жаль хлебушек-то, весь пропадет.

– Стой, бойцы, надо подумать, куда идти, – остановил нас командир, – карты-то нет, к дорогам, сами говорите, нельзя выходить.

– Именно так, товарищ лейтенант. Мы ведь почти ротой выходили из окружения, когда дорогу пересекали, нас и накрыли, – рассказал часть своей истории Семен.

– Что, просто переходили дорогу? Что же тут сложного-то? – лейтенант удивился так, что у него вид стал еще смешнее.

– А вы перейдите, товарищ лейтенант, а мы посмотрим, –

усмехнулся Семен, все остальные горько усмехнулись.

– Давайте тогда прямо по полю пойдем, там нас точно никто не заметит, – ехидно усмехнулся командир, типа пошутить решил.

– Вдоль леса пойдем, вон там, – я указал рукой вправо, – лес загибается на восток, там и попробуем поле проскочить.

Так и пошли. На самом деле, другого выбора-то и нет. Самолеты летают, вдруг какой-нибудь немецкий ас углядит нас в поле, хрен он мимо пролетит, обязательно пройдет пулеметами, а то и пушками, бомбы на нашу маленькую компанию тратить будут вряд ли.

Вдоль поля мы шли недолго, уже через пару километров путь нам преградила река. Небольшая, наподобие той, мост через которую мы охраняли совсем недавно. Отрядив бойца на поиск брода, командир скомандовал привал. Никто особо не устал, так что разлеживаться не стали. Боец, которому выпало немного поплавать, справился быстро. Дело в том, что вышли мы вблизи проселочной дороги, а она вела именно к броду. Боец вплавь преодолел короткое расстояние и убедился в этом. Когда весь наш отряд переправился на ту сторону реки, нас окликнули:

– Кто такие? – из ближайших кустов на нас смотрели шесть винтовок и один ДП. Стало быть, наши. Похоже, дошли.

– Командир группы окруженцев, лейтенант Борисов, вывожу бойцов на соединение с частями Красной Армии, – от-

кликнулся наш лейтеха. Он бы еще партбилетом помахал.

– Можете подойти, товарищ лейтенант, а бойцы пусть подождут!

Лейтеха направился к говорившему, тот, кстати, вышел из кустов, это был высокого роста красноармеец. Может, и в звании, но гимнастерка была солдатская. Нам было видно, что командир предъявил документы, а также не забыл попросить таковые у проверяющего. Спустя еще минуту лейтеха махнул нам рукой, показывая, что можно подойти. Так мы оказались в одном из разгромленных полков семнадцатой дивизии.

Проверка у особистов полка не заняла много времени. Может, это именно мне повезло, я при документах и в форме был, а это ценилось. Пока сидели в особом отделе, всяких людей повидал. Некоторые прямиком в лагерь отправились, а может, вообще к стенке, кто их знает. Привязались было, каким образом я оказался так далеко от того места, где воевал, от того моста то есть. Оказалось, я по лесам в одиночку прошел километров под пятьдесят на восток. Немало. Один лейтенант упрекнул сначала, что, дескать, бежал я без оглядки, но позже остыл. Интересовались предателями, Борисов доложил о моем «самоуправстве», но особисты только поинтересовались, обмолвившись, что туда им и дорога. Я немножго трусил, вдруг привяжутся, веда я и правда убил граждан Советского Союза. А вдруг я все наврал, может, это я бежал с поля боя, а они меня останавливали. Но, как и говорю, все

обошлось. Ведь вполне могло быть, что никаких предателей и вовсе не было. А раз нет тела, их же не видел никто, значит, и дела нет. А за красноармейские книжки похвалили, дескать, родные паек будут получать, потому как бойцы будут считаться погибшими, а не пропавшими без вести.

Освободив после проверки, нам приказали привести себя в порядок, пришлось топтать к пруду, что был в конце деревни, которую и занимал этот полк, и стираться. Определили меня во взвод стрелков, представили командиру. Им оказался именно Борисов, с которым мы сюда и пришли. Удивился сначала, но бойцы, а были это все те же бойцы, с кем я и вышел сюда, объяснили, что Борисова причислили к одной из рот полка, оставив нас в том же составе. Было нас десять человек, затем добавили еще пятерых из новобранцев. Сюда, как оказалось, собирали всех новобранцев, что были мобилизованы, но не успели вовремя прибыть в свои части. Оружие было в этот раз, получили все. Борисов, зараза, когда ему ТТ выдали, он взял и сдал наган, как нештатный. Лучше бы мне вернул, но не положено. В первые сутки нас не трогали совсем, но на вторую ночь направили в караул. Заняли позиции, это, конечно, громко сказано, просто сидели в кустах у реки и наблюдали за подступами. Командование ждало наступления немцев именно на нашем участке, брод здесь был уж больно удобный, танки, машины, пройдет любая техника. Вот и сидели. На мой вопрос командиру о минировании брода и подступов, тот завис.

– А зачем?

– Товарищ лейтенант, но ведь наш заслон все равно сшибут, так чтобы затруднить врагу переправу, необходимо заминировать местность возле брода.

– Я доложу, а там уж пусть командование решает, нужно или нет.

Надо ли говорить, что на предложение нашего лейтенанта в полку покрутили у виска.

– Ты что, лейтенант, собрался драпать? Нам доверено охранять переправу от врага, вот и охраняй!

Это мне лейтеха и рассказал, а еще добавил, что хрен он еще пойдет с какой-нибудь идеей к начальству. Вот так и убивали инициативу в войсках. Сто раз подумаешь, стоит ли вообще что-то озвучивать. А ведь эти грозные командиры, что обвиняют нас в трусости, первые побегут, как пить дать. Да было бы у нас нормальное снаряжение, взрывчатка, детонаторы, хрен бы я вообще стал кому-то и чего-то доказывать, сейчас бы сам заминировал брод, да и баста.

Немцы появились на третьи сутки. Это был передовой дозор, по которому открыли огонь бойцы охранения. Вот гадство, наши даже не смогли трех мотоциклистов завалить, удрали те, теперь вот сидим и ждем, когда нам поплохее. Я-то уже бывал в подобной ситуации. Приведены в готовность все войска, что были сосредоточены возле переправы. А я вот сижу и думаю, а на фига? На фига немцам в лоб лезть? Они, как я думаю, просто обойдут нас, переправившись в

другом месте, а затем пригонят сюда танки, только уже с нашего берега, да и раскатают нас как тесто. Просто в будущем часто об этом читал.

Не знаю, как бы получилось на самом деле, снялись мы раньше, я же говорил, что командиры побегут. После того, как немцы узнали о нашем присутствии тут, на нас посыпались бомбы. От деревни, в которой была расквартирована часть дивизии, остались одни головешки. Командиры тут же издали приказ отступить на пять километров восточнее, оставив возле брода заслон. Мне в этот раз повезло, оставили не нашу роту. Что может сделать пехотная рота, даже без минометов, не говорю об орудиях, я не знаю. Да и рота, шестьдесят стрелков при трех пулеметах, так себе сила. Минут на десять боя, может, и хватит, вряд ли дольше. Все понимаю, если вспоминать историю, то так и надо. Такие вот заслоны и дали возможность разбить немцев под Москвой. Ведь как ни крути, но время враги теряют.

Отступили мы, по моим меркам, гораздо дальше, километров на десять точно. Встали настолько хреново, что это отметил даже наш лейтенант Борисов.

– Что же это получается, – бубнил он, – вы мне запрещали передвигаться в чистом поле, а командиры полка и дивизии, наоборот, приказывают окапываться тут, так кто из нас умнее?

– Умнее командира только старший командир, – просто отметил Семен, – хрен бы с ними, только жаль, оставшись в

живых в бою, тупо погибнуть в чистом поле чуть позже.

– Что я могу? – растерянно заметил Борисов.

– Да не о вас речь, товарищ лейтенант. Давайте рыть окопы.

Так даже этого нам сделать не дали. Прилетел один из «петухов», ну а как их еще называть, коли они все как петухи расфуфыренные, и приказал копать знакомые мне ячейки. Да что же мне так на командиров-то не везет? Даже обидно. Ну, казалось бы, какая вот именно этому дурачку разница, в окопе мы воюем или в ячейке, так нет же, гнет свое. Все равно нам в этих ячейках сидеть час от силы, чего запрещать-то?

К вечеру, в районе шести часов, немцы вновь попытались устроить нам Верден. Бомбили густо, народу побило... Мы, воспользовавшись утренней неразберихой, выкопали ячейки возле оврага. Так вот по нему во время бомбежки и отошли в сторону. Почти не зацепило никого, двух бойцов чуть пометило осколками и на этом всё. А вот в других взводах были потери. Даже не так, ПОТЕРИ! Кругом лежали убитые и раненые. Черт возьми, ведь добрая половина убитых целиком на совести нерадивых командиров. Эти ухари еще и затеяли похороны, понимаю, что надо, но... Когда на нас выперлись танки, даже вздохнули свободнее, сегодня все и закончится.

Надо отдать должное, дрались люди жестоко и держались стойко. Выдержали три атаки танками, хоть их и было-то всего десяток, прежде чем немцы успокоились на ночь. А

пехтура у немчуры, как в кино, ведь и, правда, идут пешком, иногда вовсе не пригибаясь. Заняв оборону в километре от нас, немецкая часть прекратила обстрел. Что будет утром, не хотелось думать. Но командиры, наконец, поняли, что такое война. В двенадцать часов ночи нас подняли и погнали на врага в атаку. Было ли это бессмысленно? Я так не думаю. Хоть и получил пулевое ранение в руку, вскользь зацепило, да еще и ножевое в районе груди, я был доволен. Мы захватили позиции немцев, что стояли против нас на этом участке. Танки достались нам целыми, среди наших бойцов командир полка отыскал бывших танкистов и парни получили технику. Хоть и вражескую, но все же это были танки. У пленных узнали, что подкрепление этой части должно подойти к обеду, поэтому, несмотря на усталость бойцов, нас подняли и вновь приказали отступить. Отступать после хоть и маленькой, но победы, было приятнее, хоть и звучит это странно. Все бойцы вспоминали бой, делились впечатлениями. Глаза горят у бойцов, когда они побеждают. Мне было хреново, я еле шел, устав просто смертельно. Рука болела, но санинструктор, осматривая рану, только смеялся. А уж рассечение на груди и вовсе оставил бы без осмотра, если бы я сам не попросил хотя бы промыть. Правда, этот хмырь старый, ну да, мужику лет пятьдесят, сразу заявил, что ему нечем раны обрабатывать. Достал свою флягу со шнапсом, так тот еще и свистнуть ее у меня попытался.

Сегодня мы двигались дальше, чем накануне. В ротах

оставалось по десять-пятнадцать бойцов, командиров тоже поубавилось. Погиб командир дивизии и его штаб, да-да, именно целиком. Штаб дивизии располагался рядом с нашими позициями, уж не знаю, кто его тут поставил. При обстреле артиллерией прямое попадание в их блиндаж. Да и какой там блиндаж, в один накат, так, земляночка несерьезная. Командовал сейчас майор Иванченко, командир полка. Весь день мы топали, подыскивая место для ночевки, это так командиры сказали. Устроившись, встали и сразу принялись вновь менять ландшафт. Лопаткой, конечно. Немцы снова нагнали нас к вечеру и обработали орудиями и минометами. Нашего командира убило пару часов назад, при обходе позиций. Немцы все время ведут беспокоящий огонь, даже в темноте. Подвешивают свои «люстры» и долбят. Парни все уже смирились, бояться перестал даже я, хоть и не привык еще к мысли, что придется умереть. Откуда такие мрачные мысли? А вы бы через бруствер посмотрели, думаю, по-другому бы говорили. Это ни разу не кино, где сидишь, смотришь и подсказываешь главным героям, что делать надо. Вот они, герои, сидят в ячейках, друг друга не видя. Интересно, а из нас вообще кто-нибудь доживет до победы? В роте убыль процентов шестьдесят, так это за два дня, как дальше-то воевать?

Ночью, около двух часов, уже начала появляться полоска света на горизонте, позиции обходили посыльные и предупреждали об атаке. О нашей атаке. Как, чем и зачем? Никто

не понимал, но все соглашались, что это необходимо. Правда, чуть позже появившийся старлей, назначенный командиром нашей роты, пояснил:

– Была разведка, немцев там мало, максимум две неполные роты, даже батальона нет.

– А танки? – спросил кто-то.

– А что вам танки? Броском вперед, и ничего их железа-ки сделать не успеют! – оптимизм сержанта заражал людей. Наши танки, которые мы вчера отжали у фрицев, встали без горючки. На них надежды нет, все опять самим делать. Многие кивали речи сержанта и начинали готовиться к броску. Так же поступил и я. Проверил уже в который раз винтовку, кстати, трещина не расползалась дальше, перемотал портянки и переложил в карманы гранаты. У меня их две было; чтоб по сумке не катались при беге, положил по одной в каждый карман галифе.

Никакой тебе артподготовки, откуда пушки-то взять, никакого шума вообще, кроме брякающего железа, что несли на себе бойцы. Мы спокойно шли к позициям врага. Гитлеровцы заметили нас очень поздно. Оказалось, у нас вовсе не так плохо с подготовкой. Те же разведчики, что и ходили к немцам, по сигналу командиров нейтрализовали часовых в траншее фрицев. Когда мы подходили, то нам уже были подготовлены проходы в колючке и разведчики подгоняли бойцов.

– Давай, братцы, быстрее, быстрее! Фрицы спят еще, вло-

мим им сейчас, потом и сами отдохнем. — Молодцы, хлопчики, уважаю.

И ведь вломили! Мне кажется, что наши бойцы были настолько уставшими и злыми, что пошли бы и без оружия. К счастью, это не требовалось. Когда загрохотали выстрелы, мы были уже рядом и смогли сразу захватить инициативу. Отбивались фашисты умело, но трусов хватало и у них. Думаю, если бы встали стеной, было бы нам печально.

Вокруг свистели пули, даже и не поймешь, чьи именно. Прыгнул в траншею. За мной следом Семен и лейтенант Борисов. Так и держится с нами, даже не зацепили еще. Его командиром взвода назначили, а опыта у него ну вообще никакого. Семен его спрашивал тут, чего он все с нами трется, а тот ответил, нисколько не стесняясь, что мы удачливые. Ржали потом долго. Вот так везунчики, каждый уже по пуле отхватил, благо что ранения легкие. Гнать прочь мы его не стали, нормальный он все же парень, пусть с нами ползает, хоть толк будет. У лейтехи в руках ППД, мы с Семеном с винтовками. О, первый раз фрица вижу так близко. Из блиндажа на Сему вылетел какой-то оголтелый фашист и пытался его сожрать. Ну, а как еще это описать, когда он его обхватил и сжал в объятиях, одновременно пытаюсь укусить? Ракурс был удобный, поэтому я вскинул винтовку и через секунду раздался сочный «бамс». Голова у фрица словно чугунок, звон, кажется, стоял на всю округу. Фашист обмяк, а у меня наконец «померла» винтовка. От этого удара все же

лопнул приклад, и трещина прошла через все ложе. Патроны вытаскивать некогда было, да и хватало их пока, просто бросил свое «весло» и стал озираться.

– Держи! – Семен протянул мне немецкий пистолет-пулемет, товарищ сейчас приходил в себя после попытки удушения, все же фриц здоровый попался.

– Спасибо, – кивнул я, вынимая магазин и проверяя патроны. Я уже видел такой МП, даже осматривал, так что был в курсе, как им пользоваться. А сейчас еще и закрепил практически. Найдя фашиста, с которого Семен снял оружие, забрал запасные магазины и патроны из ранца. Негусто вышло, надо еще поискать.

– В сторону! – заорал я, вскидывая автомат и сразу давая очередь. Вдоль траншеи к нам бежали два фрица, вот их и срезал. Только с непривычки выпустил почти весь магазин.

– О, блин! – выдохнули оба моих, можно уже сказать, друга.

– Хорошая штука! – потряс я автоматом. – патронов еще надо найти, – бросил я и, пройдя несколько шагов по траншее, наклонился над фрицем, возле которого лежал еще один МП. В этот раз я даже закрепил подсумки с магазинами у себя на ремне. Не очень удобно, если честно, но сойдет. Осмотревшись, поймал взгляд Семена.

– Давай-давай, мы прикроем! – бросил тот, а я в ответ полез в ранец фашиста. Нашел там еще патроны, россыпью, прилично так, да что-то из еды. Ждать, когда сердобольные

командиры решат покормить своих бойцов, как-то не хотелось.

– Куда дальше? – спросил я, вновь зарядив автомат.

– Наши траншеи чистят, пойдем к ним, – предложил лейтеха.

Впереди, за поворотом траншеи оказался блиндаж. Вход прикрывала настоящая дверь, сколоченная из толстых сушьев. Открывать ее как-то совсем не хотелось.

– Андрюха, у тебя гранаты есть? – спросил тихо Семен.

– Ага, – кивнул я, доставая «феньку».

Семен встал так, чтобы по нему не попали из блиндажа, если начнут стрелять, и попробовал открыть дверь. Очередь прозвучала мгновенно. Как в нас не попало, я так и не понял. Дело в том, что стреляли из чего-то мощного. Дверь была реально толстая, но пули пролетали и сквозь нее.

– Твою мать! – Семен, чтобы в него не попали, буквально вжался в стенку окопа.

– Ахтунг, гранаттен! – заорал я, когда очередь смолкла. Не-а, не повелись фрицы. Из блиндажа никто не выскочил. Я махнул рукой Семену, показывая, что нужно вылезти из траншеи и лечь на крышу блиндажа. Тот все понял правильно. Только вылезал долго, глубина окопа была приличная. Оказавшись сверху на «блине», Семен попробовал дотянуться до двери. Черт, опять не везет, не достает он. Как быть-то?

– Андрюх, может, так кинуть, вдруг дверь не выдержит? – шепнул мне лейтенант. Смешно было слушать этот шепот,

потому как вокруг пальба идет, что хоть ори.

– Давай так, я первую кину, если дверь откроется или улетит, ты вторую следом. – Я протянул ему вторую «феньку», больше у меня не было, остались только немецкие. Махнув Семену, чтобы вжался в землю, точнее в крышу блиндажа, я швырнул гранату. Взрыв бухнул негромко, в общей какофонии боя почти незаметно. Дверь не открылась и не слетела, но Семен, воспользовавшись тем, что из блиндажа не стреляли, свесившись по пояс, винтовочным стволом подцепил дверь сверху. Хорошо, что там не было запора с обратной стороны. Дверь начала открываться, изнутри тут же начали стрелять, а лейтеха швырнул гранату. Семену повезло, не зацепило, а вот тому, кто был внутри... Стрельба заткнулась мгновенно. Но Семен взял и еще раз приоткрыл дверь. Ничего. Вообще. Я первым встал и, взяв на изготовку автомат, направился к блиндажу. Возле двери меня окликнул лейтенант:

– Может, еще одну?

– Да времени уже нет, как бы фрицы на помощь не прибежали, вряд ли здесь рядовые сидели! – ответил я. Взявшись за ручку, блин, во фрицы педанты какие, даже ручку хорошую к двери прибили, я потянул дверь на себя. Суки, наверное, где-нибудь с хорошего дома сняли, а сюда присобачили. Открывая, я ушел в сторону, насколько это было возможно, конечно, но изнутри больше не стреляли. Внутри было темно, а фонаря ни у кого из нас не было, входить было как-то

стрёмно. Но и стоять больше было нельзя. Что-то стрельба к нам смещается, наверное, фрицы опомнились и начали давать отпор. Задумавшись буквально на секунду, я дал длинную очередь из автомата веером. Ответа не последовало.

Все же первым внутри шагнул я, хоть Семен и предложил свои «услуги». Сразу уходя в сторону, да еще и кувырком, я напоролся на... стену. Блин, чего-то я переборщил, думал, здесь побольше места. Поводив стволом из стороны в сторону, начал, наконец, приглядываться. Ситуация наибредовейшая. Меня могли убить раз десять, если не больше, но об этом как-то не думалось. Фриц был один. Он лежал возле пулемета, ага, стреляли сквозь дверь именно из МГ. К нашему общему обалдению, фриц еще и живой был. Семен, когда услышал мой голос, мгновенно оказался внутри. Проморгавшись, отшвырнул пулемет в сторону ногой и наклонился над фрицем.

– Осторожно, руки! – заорал я, но фриц, сука, уже поднял пистолет, уперев его в живот Семену. Выстрелил я мгновенно, наверное, только мое удачное попадание врагу прямо в голову, не позволило тому выстрелить, а может, у того уже и сил-то не было. Фашист обмяк, а Семен еще несколько секунд не мог понять, что произошло. Пули из моего автомата пролетели буквально у него перед носом, а кровь и мозги фашиста забрызгали все лицо.

– Вот гад! – только и смог произнести Семен, прежде чем очухался. А потом еще добавил: – Бляха, я, кажется, обде-

лался. Первый раз так близко пулю видел...

Фриц оказался целым майором вермахта. Точнее, уже не целым, так как лежал без головы. Нам позже немного перепало, за то, что живым не взяли. Хотя тот и так был не жилец, его осколками гранаты серьезно посеколо, все равно бы сдох. А причина, по которой тот не стрелял из пулемета, была в том, что пулемет заклинило, тоже, скорее всего, из-за взрыва.

В том блиндаже мы хорошо так прибарахлились. Взяли ящик наших, советских гранат, трофейные, наверное, кучу патронов для немецкого автомата, да и сами автоматы в количестве трех штук были тут. Фрицев наши раздолбали. Да и было-то их меньше двух рот. Танкисты, правда, доставили хлопот. Всего один сраный гитлеровец, успевший запрыгнуть в свой танк, куролесил по позициям так, что передалвил кучу народа, прежде чем его смогли взорвать. Это было чуть в стороне от того места, где бились мы втроем. Вообще, весь бой и был таким. Бойцы разбредались по немецким траншеям и кто как мог, так и воевал, убивая противника там, где видел, или умирал сам. Рядом с нами оказались еще бойцы, просто в горячке боя мы их не видели, зато чуть не подрались за трофеи. Точнее из-за мародерства. Так уж бывает, что некоторые люди даже на поле боя думают о сиюминутной выгоде. Так и тут получилось. Мы уже вытащили все ценное из «блина», когда один из наших, советских хлопчиков вдруг принялся вырывать зубы у трупов. Лейтеха сделал ему заме-

чание, тот огрызнулся и послал его, ну и завязалась драка. Хорошо, до osobистов не дошло, так разошлись.

В том бою мы потеряли половину состава. С утра, когда объявили общее построение, да, нам не дали отойти назад, приказав занять фашистские траншеи, нас посчитали. Активными оставались меньше двух сотен штыков. Чего мы тут навоюем таким составом, никому было не известно.

– Бойцы! – начал командир нашего воинского формирования. Как нас назвать теперь, даже не знаю. Вроде вчера были остатками дивизии, даже на полки разбиты были, а сейчас нас меньше двух рот. – Все видели, что можно бить гитлеровцев, не нужно бояться, мы победим! – Там еще много слов было, но бойцам уже было плевать, если честно, с высокой колокольни. Всем хотелось одного... Нет, вру, двух вещей не хватало сейчас. Хотелось сейчас только есть и спать. Мы с Семеном прибрались в блиндаже, который захватили, лейтеха позвал сюда оставшихся бойцов взвода. Так уж получилось, что выжили почти все, потеряли троих. Нас было вновь десять человек. Кроме одного новенького, все те, что выходили из окружения, это хорошо, уже сдружились. Наверху было тихо, даже самолетов не было, поэтому и командиры не стали мучить народ, а дали отдохнуть. Мне чего-то не спалось, предложил другим спать, а я сел за чистку оружия. За три часа, что спали ребята, я умудрился вычистить кучу стволов. Набил себе магазины автомата, собрал много, поэтому лишние, что не влезали в подсумки, кинул

в сидор. Все быстрее заряжать, чем набивать патронами магазины. Пружины ослабнут? Я вас умоляю, мы не в тылу, не успеют. Это в мирное время надо думать о пружинах, «диванные стратеги» вам подскажут.

После обеда нас посетил посыльный из вновь созданного штаба. Через час выдвигаемся, разведка доложила, что фрицев в округе нет. Мы на трофейной карте разглядели обозначенный брод, в двадцати километрах южнее, поэтому командир нашего формирования приказывал выдвигаться туда. Просто на картах фашистов было обозначено, что брод защищают наши, попробуем прийти к ним на помощь. Этакий у нас подвижной истребительный батальон. Людей бы еще где взять...

Напрямую не пошли, хватило ума у командира вести подразделение, забирая по дуге на восток. К вечеру, опять устав как собаки, только теперь еще и увешанные оружием, мы подошли к броду. Нас тут и ждали. Ну, не ждали, конечно, просто фрицы здесь спокойно себе переправлялись. Никакого заслона уже не было и в помине, зато немчуры хватало. Хорошо мы выслали разведку, та и принесла сведения о том, что делать нам тут нечего. Можно было, конечно, героически сдохнуть, но командир не повелся. Вновь решили отходить на восток, благо до фрицев у брода было три километра. Впереди был лес, на вид невзрачный, но посмотрим, как на самом деле. Пару слов о командире. Да, назвал он нас все же батальоном, сводным каким-то. Командиром был сред-

них лет капитан с эмблемами артиллериста, по фамилии Величко. Вроде ничего, лозунгами не сыпал, был рассудительным. Это все со слов нашего лейтехи, которого вызывали на совещание. Его, кстати, хотели забрать в штаб, но он сам отказался, сообщив, что опыта у него мало и любой боец на его месте будет уместнее. Гад, еще ведь и меня предложил в качестве штабного работника. Слава богу, что капитан Величко отказал, сославшись на то, что я простой красноармеец. У нас ведь здесь командиры, когда узнают, что боец умеет не только крестиком расписываться, а еще и карту читает, впадают в какой-то ступор. Привыкли, что одни деревенские в армии, вот и выделяются. Но я старался не показывать, что знаю поболее, чем какой-то командир батальона. Они ведь и сами-то не слишком образованны, просто должность и звание обязывают казаться умнее, чем есть на самом деле.

Половину ночи провели в лесу, хоть и шли по окраине, особо не углубляясь, но блин, лес был такой густой, да топи еще попадались, что двигались с большим трудом. По пути обнаружили горстку бойцов, шестеро ранены, причем серьезно, пятеро готовы встать в строй. Это оказались бойцы из охраны брода, далеко отошли. Разбили их еще вчера, так что карты фрицев устарели, надо менять. На самом выходе из леса увидели деревушку, что мирно себе стояла в километре от нас. Разведчики ушли, но вернулись очень быстро, сообщив, что в деревне расквартирована немецкая танковая часть. Правда, танков у них всего ничего, да еще и ребята

заметили работу сварочных аппаратов. Величко решил, что это рембат, поэтому начали готовить удар. Действовать решили после заката. Будет еще достаточно светло, но подойти сможем более незаметно.

– Мороз, как думаешь, получится у нас? – Семен прервал молчание.

– До сих пор получалось, – пожал я плечами.

– Их там немного, – вступил в разговор лейтеха, – разведчики доложили, что целых танков меньше десятка, да и экипажи возле них крутились, может, уже и вовсе ушли.

– Да, шум двигателей было слышно, часа два назад, после все затихло, – кивнул Семен.

Мы лежим под деревом и ждем команды. Темнеет уже, но солнце еще не опустилось целиком. Три взводами мы идем с правого фланга, там открытая местность, поэтому нужно преодолеть ее бегом. Как знать, может, и получится. Местность хоть и открытая, но не просматривается из деревни, так как находится под холмом. Нас используют как засадный полк. Три взвода, это всего лишь сорок три штыка, но при шести пулеметах. Мы должны быстро подобраться к холму и быть готовыми подняться, когда завяжется бой. Опасность представлял лишь путь до холма, а это метров пятьсот, дальше из деревни нас не увидят.

Через полчаса небо было уже темным, и лейтенант Борисов приказал подниматься. Наш взвод был весь укомплектован трофейными автоматами, кроме одного бойца, он шел

с пулеметом. Но немцы были не тупее нас. Наверху, прямо на этом самом холме, который был нашей целью, у фрицев оказалась замаскированная пулеметная точка. Первые две-три метра пути мы ползли на брюхе, поэтому и смогли их проползти, но вот потом... Когда наши недозвоны рванули бегом, немчики нас и приголубили. Сколько сразу полегло, даже не знаю, но к холму мы подошли в количестве двадцати бойцов. Деревню-то наш батальон взял, там и было-то тридцать два фашиста, завалили тупо количеством, но вот потери... Капитан Величко на нас рассчитывал, как на засадный отряд, а получилось, что все с нас и началось, и уже основному отряду пришлось нас выручать. Немецкие пулеметчики своим огнем привлекли себе в помощь еще солдат, если бы не наши товарищи с противоположного фланга, нас всех бы тут и похоронили.

Рембат у фрицев оказался почти пустым. Те танки, что видели во время наблюдения разведчики, ушли догонять войска, а тут оставались лишь машины, с которыми возни много. Короче, кроме стрелкового оружия и двух минометов, захватить нам было нечего. Хорошо хоть к минометам оказалось достаточно мин, все хоть какой-то приварок. А нас тем временем осталось еще меньше. Правда, ненадолго. Узнав у пленных, да, были и такие, куда ушли войска, где сейчас фронт, утром мы двинули строго на восток. Оказалось, впереди нас ждал лагерь военнопленных. Фрицы организовали его после разгрома войск, что защищали тот брод, к кото-

рому мы вчера шли. Опять топаем по полю, вроде сказали рядом, но пока разведчики ничего не нашли. Кстати, те парни, что были у нас за разведку, так и оставались живы, нас даже удивляло и радовало это. Через час пути внезапно вернулись и наблюдатели. По их сведениям, прямо на нас движется колонна из трех грузовиков и бэтэера. Немцы, наверное, за техникой выехали. Ведь тут всего несколько километров до ближайшей части. Капитан Величко срочно организовывал засаду. Так как мы были в чистом поле, то сделать это было сложно. Вновь копаем себе лежки, правда, не на всю глубину, так, немного укрыться. Немецкий бэтээр пер первым, мотоциклов почему-то не было, хотя все ожидали именно их, привыкли уже к фрицевским порядкам. «Ганоманг» машина высокая, поэтому из нее не составило труда нас заметить. Пулеметчик принялся нас давить, а из подъезжающих грузовиков уже выскакивала пехота. Вот тут мне и поплохело, ибо Величко, до сих пор не дававший подумать о себе плохо, решил поднять нас в атаку. Может, человек просто устал, да надоело ему тут бегать, может еще что, но пришлось вставать. Ненадолго, конечно. Капитан погиб почти сразу, ведь он своим примером, как по уставу положено, решил идти впереди, увлекая за собой людей. Все вновь залегли, и оказалось, что никто не хочет вставать еще раз. До фрицев было метров триста, бэтээр вообще обнаглел и вылез на пистолетную дистанцию. Тут, слава богу, кто-то наконец-то вспомнил о двух минометах. Чуть позже мы узнали, почему

они сразу не стреляли. Отползали ребята, чтобы занять позиции там, где их не будет видно. Когда мины начали падать к фрицам на головы, поплохело уже им. С бэтээра не поняли этого и продолжали переть к нам, пулеметчик за небольшим бронешитком аж захлебывался от радости. Мне все это надоело, и я решил его снять. Из автомата это вообще не получалось, слишком большой разброс был, поэтому попросил у нашего пулеметчика его МГ, сам тот почему-то никак не мог загасить бэтээр. Первой же очередью я то ли заставил вражеского пулеметчика убраться, то ли убил. Но стрелял я прицельно, поэтому мог и убить. Водитель «Ганомага», видимо не слыша более очередей сверху, решил, что он теперь уязвим, и остановился. Как только он вновь начал движение, но уже назад, прямо в бэтээр влетела одна из мин. Грохнуло, хлопнуло – и бэтээр остановился уже насовсем. Как самые ближние к нему, мы с Семеном рванули вперед. Зачем? Так это ж какое-никакое, но укрытие. Пулеметчик из нашего взвода последовал за нами и вскоре уселся в кузове бэтээра, поливая свинцом фашистов. Я хотел было прибрать пулемет, что стрелял по нам минуто назад, но его здорово повредило взрывом мины. Укрывшись в кузове, мы отстреливались от врага, который уже начал отступать. Видимо, поняли гитлеровцы, что нас здесь тупо больше, да еще и бэтээр потеряли. Два грузовика уже дымились, все изрешеченные пулями, а вот один, с самым хитрозадым водилой, уже развернулся и начал набирать ход. Он и так стоял за двумя своими собра-

тнями, а теперь и вовсе сбежит. Близкими разрывами мин нашим парням удалось все же повредить колеса грузовика. Тот стал вилять, а затем и вовсе встал. Теперь уж можно и в атаку. Поднялись все, жаль, что Величко не вытерпел. Гитлеровцев добивали в азарте, когда подошли совсем близко, даже не стреляли, слишком злые были, поэтому и потеряли аж пятерых, добивая раненых фашистов. Ребята просто бросались на врага со штыками. Страшное дело, рукопашная схватка. Когда ты просто с кем-то дерешься, пусть даже и с врагом на войне, это одно, а вот так, словно стенка на стенку... Один боец отбивает винтовкой выпад немца, успевает ударить сам, а когда собирается добить, ему сзади втыкают нож в спину. Все смешалось, я тоже малость подрался, но не стал опрометью кидаться в свалку. Пистолет в одной руке, нож в другой, жалел только об одном, патронов в пистолете мало. Везло еще и в том, что у фрицев тоже с короткостволом ходят не все, а только офицеры и унтера. Все мельтешило вокруг, стрельба, взмахи винтовками и автоматами, удары ножами, лопатками. Кровь хлещет во все стороны, и над этим всем стоит такой мат, заслушаться можно. Победа все же была за нами, но в такую схватку почему-то больше влезать не хотелось. Русский мат на поле битвы сменился стонами и криками, раненых тоже хватало.

К лагерю, что устроили в лесу фрицы, мы вышли к обеду. Сил было мало, еще меньше людей. Новый командир, на

этот раз старлей грузин, не стал даже придумывать план. Лагерь был в лесу, капитально устроить его немцы еще не успели, вышек и тех было всего две, да и то какие-то нелепые подоби́я. Подобрались поближе и ударили. Похоже, нашему командиру было уже плевать, попадет под дружественный огонь кто-то из пленных или нет. Тупо стреляли во все, что движется и что хоть немного похоже на вражеских солдат.

Никаких братаний не было. Перестреляв фрицев, старлей с длиннющей фамилией, заканчивающейся, конечно, на-швили, приказал всем строиться и, собрав оружие и боеприпасы, уходит глубже в лес. Так и сказал:

– Нам срочно надо отдохнуть, иначе мы сдохнем даже не от пули, а просто от усталости. – Мудрые слова, я думаю.

Пленных в лагере было немало, мы пополнили состав аж на триста с небольшим бойцов. В основном были именно красноармейцы, но встречались и командиры. Оружия на всех не хватало, поэтому решили вернуться в поле, где разбили немецкие грузовики, и подобрать все, даже карабины. До этого мы их просто не брали. Отрядив одну из двух уцелевших машин, старлей «Швили» приказал остальным выдвигаться. Машина привезет оружие только до лагеря, по лесу ехать она все равно не сможет, так что парни-барахольщики торопились. Устроив привал в лесу, командир хотел тем самым дать время тем, кто уехал за трофеями.

Если честно, задолбался уже есть раз в сутки, да и то не досыта. Скажете, война на дворе, а он о еде говорит? Так

о чем еще-то? О войне? Так она вон, повсюду, хрен знает, когда кончится. Я-то знаю, конечно, да что толку от того. Или... Да нет, не пойду. Да и как? Почему сразу не сообщил? Да пытался, если честно. Точнее, я написал несколько длинных писем в Москву. Помню как-то, в одной книжке читал о таком, там автор тоже рассматривал такую штуку, как перенос в прошлое. Вот я и вспомнил. Написал немного, так, основное. Думал, на фига обо всем на свете писать, если война пойдет чуть по-другому, то уже все изменится, так что тут предсказывать нет смысла. Отправить вот только все никак не могу. А «предсказания»... Вон взять хотя бы наших парней, что мы только что из плена освободили. Сколько из них должно было выжить, ну, я серьезно? Вот и я об этом. А ведь фрицы почему столько лагерей делали в начале войны и не очень-то торопились их вывозить к себе в тыл? По банальной причине, им самим жрать скоро будут нечего, они никак не рассчитывали на *такое* количество пленных, вот и устраивали лагеря. Кто сдохнет, тот сдохнет, а самые крепкие выживут и работать станут.

А по изменению истории тоже мысли есть. Может, тот, чье тело я занял, тоже должен был тихонечко «двинуть кони» где-то на границе, да хоть у того же первого моста. А я ведь, считай, в первый же день войны изменил историю. Может, и незначительно, да кто может сейчас сказать, что значительно, а что нет? Ведь это именно я зажег те танки, а не кто-то другой. Сомневаюсь, что тот, чье место я занял, смог бы это

сделать. Взять хоть ту же реакцию родителей, когда я папаше руку сломал. Они ведь тогда обалдели от этой выходки, скорее всего, ничего подобного это тело никогда не делало, а тут такое! Вот и думаю, что сдохнуть я должен был уже давно, еще двадцать второго июня, ну, или двадцать шестого, край. Короче, жрать я хочу, вот и лезет в башку всякая хрень.

– А-а? – Меня толкнули в плечо, и я обернулся.

– Жрать будешь? – Семен стоял с двумя котелками. Рванув у него из руки посуду, чуть не расплескал драгоценную пищу. В этот раз повар сварил суп. Вообще, беда была не только с продуктами, но еще и с приготовлением. Ели всего по десять человек, у нас всего было два больших котла, представляете, как растягивался прием пищи. Кто-то уже обедать хочет, а некоторые еще не завтракали.

– М-м-м!

– Чего? – Сема уставился на меня.

– Говорю, мудаки мы! – проглотив то, что было во рту, повторил я. – Надо у фрицев было кухню забирать. Надоело уже так питаться, с голода сдохнуть можно.

– Взять-то была не проблема, а как бы ты ее потащил сюда?

– А в деревне лошадь была, не видел? Ага, дошло наконец? Там где человек пройдет, там и лошадь.

– Так кухня-то не лошадь...

– Ой, отстань, ради бога, скажи еще, что не протащили бы!

– Да, конечно, протащили бы, не бросили, – кивнул Се-

мен, наворачивая в свою очередь суп за обе щеки. Супом я назвал это варево из-за бульона, точнее, его подобия. Скорее, это было жидкое второе, но блин, довольное сытное. Это наверняка из немецкой тушенки, мы ее много взяли.

– Выпить хочешь? – вдруг спросил Семен и как-то хитро посмотрел на меня.

– Ты чего, не все сдал, что ли? – уставился я на него.

– Вот еще, я чего, сбрендил? – Из сидора на свет появилась темно-зеленая бутылка.

– Давай за то, что выжили! – скручивая запаянную сургучом пробку, провозгласил Семен. Мы сидели удачно, никто нас не видел, можно было и «хлопнуть».

– Надеюсь, командир нам хвост не прищемит, – подмигнул я другу. Мы сделали каждый по несколько глотков и закурили. Вот ведь блин, меня в этом теле не тянуло, а все равно начал.

– Слушай, Мороз, чего-то мы все никак толком и поговорить не могли, все стреляем да топаем.

– Еще копаем, – важно заметил я.

– О, точно, о лопате-то я и забыл! Так о чем это я? – чуть задумался Сема, как будто бы забыл, о чем спросить хотел.

– Поговорить ты хотел...

– Да, – кивнул друг, – ты вообще, откуда родом-то?

– С Ярославщины.

– О, недалеко.

– А ты?

– С Калининской области я. Город Ржев, слышал? – О, парень, в моем времени только совсем невежды не слышали об этом городе.

– Да, слышал. Кстати, как ты вовремя разговор завел. Я слышал разговор, когда еще мы дивизией были, помнишь, тогда фрицев разведчики на допрос притащили?

– Нет, но не важно, мало ли их уже притаскивали.

– Да, не важно. Так вот, слышал, как немцы говорили, что часть из них пойдет именно в Калининскую область. Типа, план у командования такой. Ты бы написал родным, пока не поздно, пусть переедут куда-нибудь подальше, после войны бы вернулись. – Мне очень хотелось предупредить этого парня, а как это сделать, кроме как нести, казалось бы, чушь.

– Я не верю, что фрицы смогут дойти до Калинина. Мы их скоро погоним! Да и батя у меня все одно никуда не уйдет. Он же дом строил собственными руками, теперь бросить? Если бы я ему такое в глаза сказал, он бы мне в рог закатал.

– Дело твое, я вот своим напишу, на всякий случай.

– А что немцы говорили и об Ярославле?

– Они вроде как хотят Москву окружить, а колечко будет через Ярославль проходить. Блин, да если бы я их слушал! Их же в палатке допрашивали, а мы просто рядом проходили. Я чуть задержался, когда про свой город услышал, вот и все. А насчет погоним... Мало силы у нас еще, Сем, мало. Да и боимся мы их еще. Вон некоторые как бегут, сам же видел. И ведь не бойцы какие, а командиры! А как в плен сдают-

сы? Пяток конвоиров ведет по дороге больше роты красноармейцев, а те и идут, как бараны на убой.

— Это точно! Видел. Но и те, кто насмерть стоит, тоже есть. А бежать пленные боятся, потому что кому-то все равно умереть придется, а никто не хочет, — поддержал и развил мою мысль Семен. — Ладно, повар шепнул, что здесь задержимся, потому как он выпросил у командира времени на готовку. Хочет немного в запас сделать, чтобы уж совсем с пустым брюхом не идти.

— Это хорошо, давай тогда поспим немного, пока тихо.

— Да, кстати, а чего так тихо-то? — едва ли не хором спохватились мы. И правда, чего-то давно не слышали ни орудий, ни воя самолетов.

— Сплюнь на фиг, а то налетят ироды! — и я сплюнул сам, дабы не сглазить.

Утро вечера мудренее. И это правда. Наш старлей утром заявил, что решил дать нам, бойцам, нормально отдохнуть, поэтому день сидим, а ночью потопаем. Ох и как же это было приятно-то... Лес тут был густой, мы хоть и ушли вчера от разгромленного лагеря всего на несколько километров, но этого хватило, чтобы затеряться в этом лесу. К полудню, правда, тишину все-таки нарушил рев авиационных двигателей, никак проснулись фрицы, начали поиски.

— Если не перестанут до вечера, командир перенесет выход, — сказал нам вернувшийся с совещания лейтенант Бо-

рисов. Алексеем его звали вообще-то, мы сами-то об этом узнали только вчера, до этого как-то и не думали об этом.

– Полетают, да и бросят, бензин-то не бесконечный, – отозвался я.

– Надеюсь, надоело тут сидеть. Вроде и тихо, да все равно знаешь, что немец-то под боком. Наши ходили посмотреть к лагерю, шастают по округе немчики, шастают.

– Чего еще видели? – с интересом спросил я.

– Лагеря нет, даже вышки недоделанные фрицы вывезли. Трупы забрали, своих, конечно.

Сидеть долго не стали. На войне ведь как? Есть свободная минутка, отдохай, хоть впрок это сделать и нельзя, но все же стремиться нужно. В общей сложности я за сутки спал почти четырнадцать часов. Хорошо. Еще бы пожрать вволю... Не буду о грустном.

К вечеру полеты немецких асов закончились, и старлей, наш грузинский командир, объявил выход. Разведка вновь принесла вести о деревне, в которой засекли небольшой гарнизон вражеских войск. А, я же не сказал, командир перед выходом объявил всем, что решено не просто прорываться к своим, теряя людей просто так, а идти с умом, по пути уничтожая вот такие, небольшие гарнизоны. Так все же какая-то польза от нас. Наш особист ведет журнал боевых действий, там обо всем и обо всех есть. На выходе из окружения нам предстоит пройти фильтр, так что любые наши подвиги будут занесены в актив.

Как-то так вышло, что все мы, с кем успел подружиться, потерялись перед атакой. Семена наш лейтенант отправил посыльным к командиру, сам тоже куда-то исчез. Атака на деревню, а точнее, это было немаленькое село, провалилась с самого начала. Разведчики не углядели самую малость – готовность фрицев к отражению атаки. Мы только подходили к окраинам, как нам дали «прикурить». Тогда мы все и потерялись. Главным в той группе бойцов, в которой я случайно оказался, был младший лейтенант, командир одного из взводов. Его взвод был самым плохо обеспеченным у нас в батальоне, да и служили тут странные личности.

– Братцы, вперед, за родину! – заорал мамлей, приказывая идти на штурм села.

– Товарищ командир, так у половины из нас даже оружия нет, – в отчаянии сказал кто-то из толпы.

– У кого нет, это ваша вина, в бою добудете, это ваше наказание за утрату вверенного имущества. Взвод, слушай приказ, выдвигаемся и атакуем противника... – и далее по тексту.

Надо ли говорить, что этот баран, что звался командиром, послал всех тупо с «парадного крыльца», наскоком решил взять, ню-ню. Немчура отнюдь не была тупицами и идиотами. Нас, конечно, ждали, даже завлекали, показывая открыто, что их мало, но это было не так.

Экипажи немецких танков находились внутри машин и нас просто начали уничтожать. Немцы даже не использова-

ли орудия, тупо поливали из пулеметов, а мы все пытаемся продвинуться в глубь села, вступить, так сказать, в прямое соприкосновение с противником. Маму нашу через семь коромысел. Так вот почему мы в начале войны так «просирали»! И в плен сдавались целой ротой шестерым мотоциклистам, и с голой жопой на танки шли... Да, блин, нескоро еще переучимся, а мы, те, кто с первых дней воюет, я себя уже к таковым причислил, так и вовсе этого не увидим, если к путному командиру не попадем.

Решив в один миг, что с меня на хрен хватит, просто начал действовать так, как считал нужным, а не по приказу. Откатившись в сторону, под прикрытие какого-то сарая, поймал момент, когда ближайший пулемет перенес огонь чуть в сторону, встал, да и тупо дернул отсюда. Ушел не далеко, уже в сотне метров от села натолкнулся на таких же, как и я, беглецов. Трусов, в общем. И я трус, раз побежал.

– Слышь, торопыга, дуй сюда! – крикнули мне, и я послушно свернул к группе деревьев.

– Вы кто? – выдохнул я.

– Да такие же, как ты, не желающие дохнуть под танками по прихоти одного дурака, – говоривший все это парень, или мужик, был старше на вид лет на десять. Знакомясь, не удивил, назвав фамилию: – Абрамович.

Я тоже назвался, мысленно ухмыльнувшись. Абрамович был именно той, правильной национальности, не зря я так подумал, когда его увидел. Остальные бойцы были разными,

но в основном все старше меня по возрасту.

– Чего делать предлагаете? – спросил я, отдышавшись наконец.

– На восток надо пробираться! – заметил кто-то еще.

– Ага, чтоб свои же закопали, или еще один «командир» найдется, на убой посылая.

– А иначе... дезертирство припаяют...

– А нехай паяют! – воскликнул еще один «дед», настолько старо выглядел этот боец, что так и подмывало назвать его стариком. – Я еще «беляка» по Сибири гонял, хватит с меня, пускай молодые теперь корячатся!

– Так я и есть молодой, а вы меня с собой зовете... – начал я.

– Да иди куды хочешь, кто ж тебя заставляет-то, – ответил тот же старик.

И я действительно пошел. Назад, к селу. Стрельба там не прекращалась, да и опомнился я, трусость – это не про меня. Вообще, меня стала здорово грызть изнутри совесть, за мою слабохарактерность. Плюнул с горяча: «Умирать – так умирать!» – и вернулся бегом к селу.

На пузе вполз на один из огородов и прямо-таки уперся в мертвое тело горе-командира, ретивого мамлея. Лежал он один, рядом никого не видно. В этот раз блевать уже не стал, да и нечем, наверное, хоть у мамлея видок был еще тот. Полголовы как не было. Огляделся, прислушался к звукам стрельбы.

«Черт возьми, а ведь стреляют-то не пулеметы!» – отдельные выстрелы из винтовок слышались очень отчетливо.

Выглянув из-за хаты, за которой и нашел тело командира, наверняка его сюда кто-то из наших притащил, увидел бойцов своего взвода. Одним из них был Семен, слава богу, живой. Правда, Борисова с ними не было, он-то хоть где?

– Эй, братва, вы живые? – крикнул я первое, что пришло в голову.

– Да не сдохли еще, давай сюда, поможешь, немцы село осматривают, добивают выживших, у тебя патроны есть?

Патроны у меня были. Причем немало.

– Ага, – подполз к мужикам, их тут было трое, все, кстати, молодые парни скорее, чем мужики. – Держите! – я развязал завязки сидора и вытянул горсть патронов. Бойцы разобрали все, что дал, пришлось выгрести все запасы, хорошо, что свои у меня в обоймах на ремне висят.

Винтовки по очереди сыто клацнули затворами, и ребята начали расползаться.

– Мужики, а кто командира этого сюда притащил? – спросил я.

– Да мы и приперли, – ответил один из бойцов, светловолосый парень с веснушками по всему лицу.

– А пистолет забрали? – спросил я в надежде.

– Да он его где-то обронил, пустым притащили. – Жаль, очень мне хотелось заполучить новый короткоствол, с винтовкой ужасно неудобно действовать в населенном пункте.

Эх, вот Борисов дурачина, сдал тогда наган. А свой последний пистолет я потерял в рукопашной.

Впереди слева отчетливо загрохотали танковые гусеницы и двигатель, застучал пулемет. Ага, все-таки фрицы не пешочком село прочесывают, хреново. Лежим в канаве, на обочине, уже видно, как танк выползает в конце улицы, домов восемь до нас. Интересно, куда полезет, прямо или на нашу свернет? Фрицы уже было проехали перекресток с той улицей, на которой были мы, как один из парней вдруг вылез и, прицелившись куда-то в сторону железной машины, выстрелил. Его за ноги затащили обратно в канаву, но было поздно, танк повернул к нам.

– Какого хрена, Жора? Он же мимо уже прошел! – заорали на стрелка бойцы. Тот виновато смотрел в сторону. Вот, был командир дурак, теперь и на бойцов напасть перешла, заразная штука, нетерпение.

– А чего, так и будем тут лежать, все одно уйти не дадут...

– Ребят, я отвлеку фашистов, а вы попробуйте сзади танк обойти... – сказал я.

– На хрена? – удивился белобрысый.

– У меня граната есть, вот, – я вытащил «лимонку» и показал мужикам, – фрицы люки не закрывают, жарко, да и пыльно. Надо сзади запрыгнуть и гранату им засунуть...

– Ты чего, сбрендил, что ли? Чумовой какой-то! Это ж немцы, они же на танках, куда нам-то... – это Жора, тот, что стрелял и выдал наше присутствие тут.

– Парень правильно говорит, я тоже об этом думал, но гранат у меня нет, – сказал еще кто-то.

– А у меня есть, даже две, я запасливый хомяк.

– Я не пойду, как хотите, – заявил Жора. Танк тем временем приближался. Двигался он медленно, опасаются фрицы.

– Да я бы сам сделал, да кто отвлечет...

– Я, – кивнул белобрысый.

– Тебе только дорогу перебежать, там за дом ныряй, только от стены подальше, – напутствовал я, – а то засадят снаряд, завалит на хрен... – На самом деле, предлагая это мероприятие, я очень рассчитывал на то, что бежать придется не мне, уж больно страшно.

– Сам знаю, давай брат, уделай гада! – И парнишка буквально выпрыгнул из канавы. Я как только мог быстро дернул в сторону танка по канаве. Немцы уже всю долбили из пулемета, жаль, если парень не добежал, отличный боец, смелый.

Канавы были глубокой, но от танка все равно не спрятаться. Когда я поравнялся с грохочущей машиной и повернул голову, увидел открытый боковой люк и фашиста, глядящего прямо на меня. Я выпрыгнул из канавы и метнулся за танк, не сводя глаз с фашиста. Тот что-то орал, не знаю, мне или экипажу. Оказавшись сзади и убедившись, что танк идет без пехоты, я запрыгнул на него. Высоковато, но справился. Вибрация, а точнее тряска, была такой, что я едва успел схватиться за какую-то железку, чтобы не навернуться на зем-

лю. Верхний люк был закрыт, но, думаю, я и в боковой смогу. Усики на гранате были уже разогнуты, оставалось только дернуть кольцо, что я и сделал. Держа рукой скобу и перехватившись, подбираясь ближе к башне за скобу на корпусе танка, я оказался возле самой башни. В этот момент танк остановился и башня начала поворачиваться.

«Только бы успеть, только бы успеть!» – пронеслось в голове. Выглянув сбоку и увидев прямо перед собой морду фашиста, весело скалящегося от удовольствия, просто сунул гранату внутрь, пропихивая ее вниз, чтобы танкист ненароком не выкинул. Вроде упала. Как слетел вниз и залег в канаве, даже не заметил. Дальше было интересно. Никакого грохота от взрыва я не слышал, но танк стоял и стрелять пока не собирался.

– Эй, боец! – услышал я сбоку от себя. Повернувшись, увидел белобрысого рядом, оказывается, я спрыгнул в его сторону. – Молодчага, я вообще-то не думал, что получится, хорошо рвануло.

– Чего рвануло? Я ничего не слышал...

– Так тут видеть надо было. Боекомплект, видно, не рванул, только «феня», ну что, посмотрим?

– Ага, – кивнул я, вставая. А танк-то даже не заглох, просто встал как вкопанный, однако!

Мы залезли на корму и подобрались к башне. Из открытого люка поднимался слабый дымок. Дальше было еще смешней, фрицы были живы, только вроде как механик не ше-

велится, остальные воют. Белобрысый, черт, надо хоть имя спросить, схватил через проем бокового лючка за комбинезон того вражину, что недавно еще улыбался, и, вытянув того наружу, швырнул на землю.

– Добей эту падаль, там еще один шевелится, сейчас выдерну! – крикнул мне напарник.

Прыгаю на землю и, чуть задумавшись, поднимаю глаза, осматриваясь вокруг. Как его добить-то, винтовка в канаве осталась, а нож в сидоре. Фриц стонет, ноги здорово посечены осколками, крови много. Наконец, ступор прошел. Наклонившись, вытаскиваю из кобуры танкиста пистолет и, направив на истекающего кровью врага, нажимаю спуск. Тишина. Блин, взвести надо! Нащупав затвор и сообразив, как он работает, оттягиваю и досылаю патрон. Руки трясутся. После всего, что видел и пережил? Да, черт! Только что не испытывал ничего, а сейчас вдруг затрясло. Поднял руку, неловко целясь в голову врага, и, закрыв глаза, нажимаю спуск. Выстрел утонул в грохоте танкового мотора, а спустя секунду меня уже хлопнули по плечу.

– Молоток, бежим отсюда, у фрицев вроде еще танк остался.

Ломимся куда-то в сторону ближайших домов, не успеваю даже разглядеть, куда именно. Белобрысый что-то говорит, не понимаю ни слова.

– Чего?

– Ты оглох, что ли? – усмехается боец, когда мы упали в

траву возле стены одной из хат.

– Да нет вроде, пока слышу еще.

– Чего-то ты весь зеленый, на вот, глотни, – ко мне протянута рука с зажатой в ней фляжкой. Подхватываю и жадно глотаю теплую жидкость, а спустя мгновение глаза мои, наверное, стали шире раза в два. Горечь теплого алкоголя вызывает рвотный рефлекс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.